

Игорь КУЗНЕЦОВ

ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕГО КРЫМА

НЕВЕДОМАЯ
РУСЬ

Неведомая Русь

Легенды древнего Крыма

«ВЕЧЕ»

2019

Легенды древнего Крыма / «ВЕЧЕ», 2019 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-8184-0

Само словосочетание «полуостров Крым» уже кажется легендарным. Крым – земля, которая помнит греков, готов, скифов, византийцев, татар, по которой прокатывались волны Великого переселения народов, шли караваны рабов и где гремело победоносное «ура» русских воинов. Земля благодатная и суровая, где едва ли не каждый камень связан с историческими событиями и овеян тысячеклетними легендами. Найдется ли кто-то, кто соберет их все? Едва ли это под силу людям, но какая-то часть доступна нам и бережно представлена в этой книге.

ISBN 978-5-4484-8184-0

, 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Геракл и скифы	5
Скифы и тавры	7
Перекопский ров	8
Ифигения в Тавриде	10
Гикия – героиня Херсонеса	13
Смерть Митридата	16
Как возникла Ялта	19
Девичья башня в Судак	20
Прекрасная Феодора	23
О колыбели, спрятанной на горе Басман	26
Скала явления святого Георгия	28
Поход Бравлина	32
Почему Черное море бурливое	34
Дивчина-чайка	36
Морское сердце	39
Маруся Богуславка	40
Самойло Кошка	43
Медведь-гора	47
Гурзуфские скалы-близнецы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Автор-составитель Игорь Николаевич Кузнецов Легенды древнего Крыма

Геракл и скифы

Геракл пас стадо быков возле Геракловых столбов. С могучих плеч его свешивалась шкура немейского льва, в руке держал он палицу.

Шло время, и истаяла трава на пастбище. Сев в колесницу, Геракл погнал стадо на восток за Понт Эвксинский, где были обширные степи и много сочной травы.

В степи было холодно. Завернувшись в львиную шкуру, Геракл лег на траву и заснул. А когда проснулся – ни коней, ни колесницы не было.

Огорченный, Геракл пустился на поиски пропавшей колесницы. Он обошел всю огромную степь, но не встретил ни одного человека, у которого мог бы спросить о пропаже. Наконец он очутился в горной стране тавров. В одной из пещер Геракл увидел странное существо: полудеву-полузмею. Изумился он, но виду не подал.

– Кто ты такая будешь? – спросил.

– Я богиня Апа, – ответила змееногая женщина.

– Богиня Апа, не видела ли ты сбежавших моих коней?

– Кони твои и колесница твоя у меня. Но возвращу я их тебе тогда, когда ты станешь моим мужем.

Не хотел Геракл возвращаться пешком на родину, на другой край света. Он согласился и остался жить у богини Апы. Змееногая женщина не спешила возвращать колесницу и коней, ибо полюбила Геракла и хотела удержать его подольше.

Так продолжалось до тех пор, пока у них не родилось трое детей. Тогда Апа привела Гераклу его лошадей, запряженных в колесницу, и произнесла такие слова:

– Мне не хочется расставаться с тобой, но ты тоскуешь по родине. Я сдержу данное тебе слово. Возьми своих коней и колесницу. Только скажи, что мне делать с сыновьями, когда они вырастут. Отослать к тебе или оставить в моих владениях?

Геракл рассудил так: он снял с себя пояс с золотой чашей на пряжке, взял лук со стрелой и показал, как он натягивает тетиву. После этого отдал лук и пояс богине Апе и сказал:

– Когда сыновья вырастут и возмужают, пусть наденут пояс и попробуют натянуть тетиву моего лука. Кому из них пояс мой придется впору, кто из них сможет натянуть тетиву моего лука так, как я, пусть останется. А кто не сумеет этого сделать, того отошли прочь.

Изображение скифского всадника. Из кургана Куль-Оба

Прошли годы. Сыновья Геракла выросли, возмужали. Тогда мать их, змееногая богиня Апа, дала им отцовский пояс и лук. Старший сын Агафирс и средний Гелон не смогли выполнить завет отца: пояс был для них слишком большим и тяжелым, и у них не хватило сил натянуть тетиву Гераклова лука. Они были изгнаны из страны.

А третьему сыну пояс Геракла был впору, и он натянул тетиву лука так, как отец. Это был младший сын по имени Скиф. Он остался в стране, и от него пошло славное скифское племя, поселившееся в таврских и приднепровских степях, где когда-то Геракл пас быков.

(По Геродоту)

Скифы и тавры

По свидетельству Геродота, Крымский полуостров назывался Скифией. Что послужило поводом к такому названию – толкуют различно. Однако нет сомнения, что оно произошло от слова *скитос* или *скифос*, то есть отшельник, применяемого греками к людям, чуждающимся сообщения между собой и ведущими полудикую варварскую жизнь. Скифы же сами именовали себя *сколотами* и по привычке тех времен производили начало свое от божественных сил Юпитера и дочери Борисфена. Они сохранили предание, что с неба спустился в их страну, в числе эмблем хлебопашества, и золотой сосуд – знак необходимости народного правителя. Сосуд имел свойство воспламеняться перед всеми, кому суждено было сделаться обладателем его и воцариться над ними, – и достался впервые в уделе Колаксаю, признанному скифским царем. С этого времени правители их носили этот сосуд за поясом. Сосуд считался священным, и его постоянно возили по всем племенам их, обитавшим на пространстве от Дуная до Дона, которые приносили ему не только жертвы, но и за неусыпное хранение его дарили стерегущему столько земли, сколько он в состоянии был объехать на лошади в течение дня. К этому присоединялось и убеждение, что страж, уснувший во время охранения его, неминуемо должен был умереть в течение года. Постоянное же хранение священного сосуда оставалось на попечении самого большого племени, именуемого царственным, хотя все три разделения их имели отдельных царей, – и надо думать, что царственным оно признавалось как наследственное на право сосуда...

Кочующие скифы, составлявшие три царства, боготворили, подобно грекам, несколько сверхъестественных сил, но храмы воздвигали только в честь бога войны, которому приносили в жертву лучших домашних животных своих. Этим выражалось их высокое понятие о войне и надежда в содействии таинственной силы в брани. Но какое имя этому божееству – к сожалению, никто из древних писателей не упоминает.

Первыми оседлыми жителями Таврии являются тавры, занимающие юго-восточную половину этой страны, по обе стороны Яйлынского хребта, начиная от Инкермана до Феодосии, затем прибыли ираклейцы и милитяне, основавшие Херсонесскую республику, Босфорское царство и Дерийское княжество. Тавры занимали низменности, примыкающие к покатолям Яйлы, с трудом доступной для желающих иметь сношение, через разделяющий их хребет. Обстоятельство это заставило их подумать об устройстве прочных тропинок, следы которых сохраняются до настоящего времени почти в первобытном виде, несмотря на то что и теперь они остаются единственными путями сообщения обитателей противоположных оснований горного хребта. Херсонесская республика, занимая крошечный Трахейский полуостров, видимо, имела мостовые ко всем пунктам, которые часто посещались ее народонаселением; что же касается Босфорского царства и Дерийского княжества, то каждое из них заботилось об удобстве перехода и переезда жителей столицы без затруднений во всякое время года. Без внимания оставалась только степная часть, где кочевали скотоводы, не имеющие надобности ни в каких путях.

(В. Кондараки)

Перекопский ров

Более чем две тысячи лет тому назад на Крымском полуострове господствовали скифы – могучее и воинственное племя. Воспитанные в суровых условиях, скифы отличались выносливостью и душевной доблестью. Скифские воины, сильные и мужественные, готовы были в любую минуту сесть на коней и отправиться в поход на врага, угрожающего их отечеству.

В то далекое время между скифами и египтянами разгорелся спор о том, кто из них является самым древним народом.

– Мы первые появились на земле, – хвалились египтяне. – От нас пошли все другие народы, в том числе и вы, скифы.

– Нет, мы самый древний народ, – возражали скифы. – На свете еще никого не было, даже вас, египтян, а наши предки уже кочевали по просторным степям Скифии.

– Ну, это еще надо доказать, – говорили египтяне. – А вот мы вам докажем! В начале сотворения мира, когда одни страны пылали от нестерпимой жары, а другие, как ваша Скифия, покрывались льдом от ужасного холода, в Египте был климат умеренный. И если в других странах человек существовать не мог, пока не были найдены средства защиты от жары и холода, то в Египте ни зимние холода, ни летний зной не причиняли страданий его обитателям, а плодородная почва давала обильное количество пищи. Итак, наша страна с полным правом может считаться родиной людей.

Посмеялись скифы над доказательствами египтян:

– Да разве ж это доказательства?! Ведь каждому ясно, что природа, распределив по странам света жару и холод, сразу же создала живые существа и растения, способные переносить тот или иной климат. Ваши растения, например, любят много тепла и не терпят холода, а наши вполне переносят зиму.

Что касается плодородия ваших земель, то они не сразу стали плодородными. Потребовался труд многих поколений для сооружения плотин и оросительных каналов, после чего ваши поля стали давать урожай.

А теперь выслушайте доказательства в нашу пользу.

Если в мире, как утверждают некоторые мудрецы, первоначально господствовал огонь, то наша Скифия, вследствие зимних холодов, первой остыла, и на ее территории появились первые люди. А Египет долго после этого оставался в огне. Да и доселе он не остыл как следует и страдает от жары.

Если же земли, как утверждают другие мудрецы, некогда были затоплены, то прежде освободились от воды и высохли высокие места, а в низменностях вода стояла дольше всего. Как известно, Скифия лежит выше Египта, с ее поверхности раньше схлынула вода, и раньше появились живые существа...

Много лет продолжался этот спор между двумя древними народами. Наконец египтяне, не сумев убедить противника словом, решили доказать свою правоту мечом и объявили скифам войну.

Египетский царь Везосиз собрал великое войско и повел его на Скифию, предварительно выслав туда своих послов. Послы предложили скифам сдаться без боя, выразить Везосизу, царю богатой и сильной страны, покорность и признать египтян самым древним народом. Скифы ответили египетским послам так:

– Царь столь богатой страны безрассудно, лишь по высокомерию своему, начал войну с нищими, войну, которой ему следовало бы опасаться, так как исход ее сомнителен, награды никакой, а вред очевиден. Скифы не станут дожидаться, когда к ним придет богатый противник, а сами поспешат навстречу добыче.

Дело не замедлило последовать за словами. Не успел египетский царь выслушать от своих послов дерзкий ответ скифов, как вдали показалось большое пыльное облако и послышался топот сотен тысяч конских копыт. Везосиз никак не ожидал, что скифы осмелятся первыми напасть на него, растерялся и, бросив войско со всем военным снаряжением, бежал.

Скифы, захватив обильную добычу, преследовали противника до самого Египта, и только болота не пустили их в эту южную богатую страну.

Окрыленные победой над египтянами, скифы не повернули сразу домой, а двинулись в поход по Средней Азии. Они покоряли одну страну за другой, накладывая в знак своей власти умеренную дань, и вскоре вся Азия сделалась скифскою данницею...

С тех пор как скифские воины покинули свою родную Скифию, прошло ни много ни мало как двадцать лет. Скифские жены, истомившись от долгого ожидания и полагая, что мужья их все погибли в боях и больше не вернуться, вступили в брак со своими рабами. И когда жены услышали, что их мужья живы и вскоре вернуться домой, они пришли в неопиcуемый ужас. Что делать? Посоветовавшись между собой, они созвали всех рабов и также сыновей своих, прижитых с рабами, и сказали:

– Нам всем угрожает гибель от рук мстителей. Мужья не простят измены ни нам, своим женам, ни вам, своим рабам, ни вам, незаконным детям. Поэтому защищайтесь, как только можете!

И тогда рабы и их сыновья взяли в руки кирки и отправились туда, где узкая полоска земли соединяла Крымский полуостров с материком. Выкопав глубокий ров, они вооружились и засели там, решив погибнуть все до одного, но не пропустить мстителей.

Ничего этого не зная, скифские воины, гордые и счастливые от многочисленных побед, приближались к родной земле.

Они предвкушали радость встречи со своими матерями, женами, детьми, и их возбужденные голоса разносились далеко по степи.

А вот и перешеек, то единственное место, по которому скифы могут перейти через соленые озера на полуостров к себе домой. Но что это? Глубокий ров, которого раньше не было, преграждал им путь, а какие-то неизвестные люди угрожали им оружием! Разъяренные скифы навалились на неизвестных, и начался жестокий бой.

Двадцать дней на узком перешейке лилась кровь, двадцать дней подряд падали и умирали люди. Неизвестные дрались так отчаянно, словно защищали свою родную землю, и невозможно было их одолеть.

После двадцатидневной борьбы скифы отступили и удалились на совещание.

– Если так будет продолжаться и дальше, – сказали самые мудрые воины, – то никто из нас не увидит родины. Мы все погибнем здесь, у ее порога. Надо узнать, кто они и чего от нас хотят.

И узнали скифы, что воюют они против своих рабов и сыновей своих жен, и поняли тогда, что силой оружия им не победить отчаявшихся, что надо действовать иначе.

Снова скифские воины двинулись на штурм рва, только в руках у них были не мечи и стрелы, а кнуты и розги. Приблизившись к защитникам, они неожиданно осыпали их ударами, и те, увидев кнут и услышав свист розог, из отважных воинов превратились в покорных рабов и, побросав оружие, в панике бежали...

Скифы после этого не засыпали ров, а, наоборот, расширили, углубили его и рядом построили небольшое укрепление. Как опытные воины, они поняли, что ров может быть надежной защитой от нападения врагов.

С тех незапамятных времен и существует Перекопский ров.

(«Известия древних писателей...»)

Ифигения в Тавриде

Многочисленное греческое войско собралось в поход на Трою. Но вот уже несколько дней греческие корабли стояли у берега и не могли отплыть: дул противный ветер. Этот ветер послала богиня Артемида, разгневавшаяся на греческого царя Агамемнона за то, что тот убил ее священную лань.

Напрасно ждали греки, что ветер переменится. Он, не ослабевая, дул в прежнем направлении. В стане начались болезни, среди воинов поднялся ропот.

Наконец прорицатель Калхас объявил:

– Лишь тогда смилостивится богиня Артемида, когда принесут ей в жертву прекрасную дочь Агамемнона Ифигению.

В отчаяние пришел греческий царь. Неужели суждено ему судьбой потерять нежно любимую Ифигению?

Прекрасная и величественная прошла Ифигения среди несметных рядов воинов и встала около жертвенника. Заплакал Агамемнон, взглянув на свою юную дочь, и, чтобы не видеть ее смерти, закрыл лицо широким плащом.

Спокойно стояла у жертвенника Ифигения. Все хранили глубокое молчание. Вещий Калхас вынул из ножен жертвенный нож и положил в золотую корзину. На голову девы он надел венок. Вышел из рядов воинов Ахилл. Он взял сосуд со священной водой и жертвенную муку с солью, окропил водой Ифигению и жертвенник, посыпал мукой голову Ифигении и громко воззвал к Артемиде:

– Всемогущая богиня Артемида! Пошли нашему войску благополучное плавание к троянским берегам и победу над врагами!

Взял Калхас в руку жертвенный нож и занес его над Ифигенией. Но не упала с предсмертным стоном юная дева. Вместо нее у алтаря, обагрив его кровью, билась в предсмертных судорогах лань, сраженная ножом Калхаса.

Свершилось великое чудо: богиня Артемида сжалилась над Ифигенией и сохранила ей жизнь, послав на жертвенник лань. Пораженные чудом, как один человек, вскрикнули все воины. Громко и радостно вскрикнул и вещий Калхас:

– Вот та жертва, которую требовала великая дочь громовержца Зевса Артемида! Радуйтесь, греки, нам сулит богиня счастливое плавание и победу над Троей.

И действительно, не была еще на жертвеннике сожжена лань, как подул попутный ветер. Не теряя времени, греки стали готовиться к отплытию.

Богиня Артемида, похитив у жертвенника Ифигению, перенесла ее на берег Эвксинского Понта, в далекую Тавриду. Там Ифигения стала жрицей в храме богини Артемиды.

Спустя много лет брат Ифигении Орест, выросший за это время и превратившийся в смелого, мужественного воина, отправился вместе со своим неразлучным другом Пиладом в неведомую страну Тавриду. Он должен был привезти оттуда священную статую Артемиды.

После счастливого плавания Орест и Пилад прибыли в Тавриду. Спрятав свой корабль у прибрежных скал, отважные путешественники ступили на чужую землю. Здесь их подстерегала большая опасность.

У тавров, местных жителей, существовал обычай умерщвлять чужеземцев и приносить их в жертву богине Артемиде. Священнодействие совершала жрица, не знавшая брачного факела. Она приводила чужеземца к алтарю, и тот падал под ударом девичьего меча. Голова жертвы в угоду богине укреплялась возле храма на высоком столбе. Орест, конечно, и не подозревал, что этот печальный обряд вот уже многие годы совершает его сестра Ифигения.

Отважные путешественники незаметно подкрались к храму Артемиды. Это было огромное здание, опирающееся на многочисленные колонны. К нему вела широкая, в сорок ступе-

ней, мраморная лестница. Возле храма возвышались столбы, на которых торчали человеческие головы. Поняв, что днем статую Артемиды не удастся выкрасть, Орест и Пилад спрятались и стали ждать ночи.

Ифигения в Тавриде. Художник А. М. Васнецов

Но случилось так, что еще до наступления темноты Ореста и Пилада заметила стража. После короткой, но жестокой схватки их связали и отвели к таврскому царю Фоапту, известнее и могущественнее которого не было в водах эвксинских. Царь спросил пленников, откуда они и зачем прибыли в его страну, а затем объявил, что, по местному обычаю, они будут удостоены особой чести: их принесут в жертву богине Артемиде.

Утром Ореста и Пилада связанных привели в храм, где у алтаря, сделанного из белоснежного мрамора, их уже ожидала жрица. Покропив пришельцев очистительной водою, покрыв повязками их виски, Ифигения сказала:

– Простите, юноши, я не по своей воле совершаю этот жестокий обряд. Таков обычай здешнего племени. Скажите мне, кто вы?

Услышав в ответ, что они греки и что оба из родного ей города, Ифигения воскликнула:

– Пусть один из вас падет жертвой нашей святыне, а другой повезет весть от меня на родину.

Орест и Пилад заспорили. Пилад, желая спасти друга, настаивал на том, чтобы в путь отправился Орест, Орест же твердил, что именно он должен умереть на чужбине.

Пока юноши спорили, кому умереть, Ифигения писала письмо на родину своему брату, которого она оставила когда-то еще младенцем. И только тогда, когда Ифигения протянула Оресту письмо, они узнали друг друга.

Несказанно обрадовались все трое такой неожиданной встрече и стали думать о том, как спасти им и как увезти священную статую Артемиды.

И решила Ифигения прибегнуть к обману. Она объявила царю тавров Фоапту, что статуя Артемиды осквернена и нужно омыть в море и ее и жертвы – двух чужеземцев. Согласился на это Фоапт.

В торжественной процессии пошла Ифигения с прислужницами храма на берег моря к тому месту, где был укрыт корабль. Прислужницы несли статую Артемиды, а воины царя вели связанных Ореста и Пилада. Придя к морю, Ифигения велела воинам удалиться, так как они не

должны были видеть тайных обрядов омовения. Когда воины ушли, сестра освободила брата и его друга и поспешила с ними на корабль.

Подозрительным показалось таврским воинам, что так долго длится обряд омовения. Они вернулись к берегу и, к своему удивлению, увидели за скалой чужой корабль, на котором пленники и жрица уже собрались бежать.

Бросились воины на корабль, скрестили мечи, завязалась упорная битва. И хотя воинов было много, Орест и Пилад обратили их в бегство. Не успел гонец сообщить таврскому царю Фоапту о случившемся, как гребцы сели на весла и греческий корабль вышел в открытое море.

(По Еврипиду)

Гикия – героиня Херсонеса

Было время, когда цветущим, многолюдным Херсонесом управлял первый архонт Ламах. Был он очень богат, имел много золота и серебра, скота и земли. Дом его – большое квадратное здание – выходил на несколько улиц. В городской стене Ламах имел даже отдельные ворота, чтобы многочисленные его стада, возвращаясь с пастбищ, не шли через город, а попадали прямо в загоны, примыкавшие к дому.

Гикия была единственной дочерью Ламаха. В Херсонесе, славившемся своими риториками и мудрецами, она получила прекрасное образование. Среди девушек города она выделялась красотой и умом. Как истая херсонеситка, Гикия горячо любила свой знаменитый город, раскинувшийся на берегу беспокойного Понта, и мечтала сделать для него что-нибудь выдающееся.

В те времена соседним Боспорским царством правил царь Асандр. Не давали ему покоя богатства Херсонеса. Пытался он силой захватить город, да потерпел поражение. Тогда решил Асандр хитростью овладеть городом. Знал он, что у Ламаха есть дочь, и предложил своего сына ей в мужья. Надеялся он, что после смерти Ламаха власть над Херсонесом перейдет к роду первого архонта и от Гикии попадет в руки его сына. Царь посвятил сына в свой замысел, и тот согласился действовать так, как задумал отец.

Херсонеситы разрешили Ламаху брак Гикии с сыном Асандра. Но они поставили условием, чтобы после свадьбы муж Гикии никогда не покидал Херсонес для свидания с отцом; если он посмеет это сделать, будет казнен. Боспорцы приняли это условие, и сын Асандра, приехав в Херсонес, женился на Гикии.

Пламенно и искренне полюбила Гикия своего мужа. Он казался скромным человеком, преданным гражданином Херсонеса, не скупящимся на добрые дела.

Через два года умер Ламах. На совете именитых граждан было решено поставить во главе управления городом не сына Асандра, зятя Ламаха, а другого видного херсонесита, Зифа, сына Зифова. Рухнули планы мужа Гикии. Но он не отказался от своей мечты и лишь ждал удобного случая, чтобы осуществить свой замысел.

В первую годовщину смерти отца Гикия пожелала почтить его память и с разрешения совета города устроила поминки. Она пригласила к себе многих граждан города и раздавала им вино, хлеб, масло, мясо, рыбу – все, чем полны были кладовые ее обширного дома. Все благодарили Гикию за хорошее сердце.

Городские власти разрешили Гикии так отмечать ежегодно годовщину смерти отца.

Одно из таких празднеств и решил использовать муж Гикии для выполнения своего коварного плана. Он послал преданного раба в Пантикапей к отцу с известием, что нашел путь завладеть Херсонесом.

Отец стал присылать сыну морем через определенные промежутки времени по десять или двенадцать отважных юношей, кроме гребцов, как бы для того, чтобы доставить ему и Гикии подарки. Лодки боспорян входили в бухту Симболон, а сын Асандра посылал туда лошадей, на которых привозил в город и подарки, и боспорских юношей. Через несколько дней гости якобы должны были уезжать к лодкам. Их отъезд муж Гикии приурочивал к позднему вечеру, когда совсем стемнеет. Отойдя на некоторое расстояние от города, боспорцы сворачивали с дороги и, достигнув берега, на лодках возвращались к тропам, по которым шли стада Ламаха к его отдельным воротам в городской стене Херсонеса. Тут их снова впускали в город и прятали в подвалах дома Гикии. А гребцы в лодках в это время отчаливали из бухты и уходили в сторону Боспора, создавая видимость, будто никто в Херсонесе не остался.

Сын Асандра посвятил в заговор трех рабов, вывезенных из Боспора. Один из них, якобы проводив боспорских юношей до бухты, возвращался в Херсонес и заявлял городской страже,

что все уехали; другой провожал боспорян до берега и усаживал в лодки; третий провожал до ворот в городской стене и вводил в дом Ламаха. Эти же рабы доставляли спрятанную пищу и воду.

Все это делалось скрытно. Сама Гикия не подозревала, что творится у нее в доме.

Боспорский царевич избрал третью годовщину смерти Ламаха для воплощения своего замысла. За два года он тайно собрал около двухсот боспорских воинов. Сын Асандра рассчитывал, что в день памяти архонта все херсонеситы будут допоздна веселиться и изрядно опьянеют; когда они улягутся спать, он выведет спрятанных заговорщиков и совершит свое злое дело. Флот его отца к этому времени был готов к нападению на Херсонес.

Случайное происшествие раскрыло заговор.

Одна из любимых служанок Гикии провинилась перед ней и в наказание была заперта в комнате, находившейся над подвалом, где были собраны боспорские воины. Служанка в одиночестве прядла лен и нечаянно уронила пряслице, которое покатило к стене и попало в глубокую щель. Чтобы достать его, девушка приподняла кирпич пола и сквозь отверстие заметила в подземелье вооруженных людей.

Осторожно опустив кирпич на место, служанка позвала одну из своих подружек и послала к госпоже, прося прийти к ней, так как она хочет сообщить что-то важное. Гикия пришла, к счастью, не взяв с собой никого из домашних. Служанка пала к ее ногам и рассказала все.

Гикия сразу поняла, что замышляется в ее доме. Она превыше всего ставила интересы своего народа, поэтому, ни минуты не колеблясь, приняла решение уничтожить врагов, в том числе и своего мужа, который оказался изменником.

Двум родственникам Гикия поручила собрать лучших людей города. Одно условие поставила она. Они должны были поклясться, что за свое сообщение, если его признают важным, она будет похоронена в черте города.

Собравшиеся граждане поклялись исполнить это условие. Тогда удовлетворенная Гикия сказала:

– Я открою вам тайну. Муж мой, от отца своего унаследовавший ненависть к нашему городу, тайно провел в дом много вооруженных боспорян. Как я догадываюсь, они намереваются в день памяти моего отца напасть на нас, сжечь дома и всех истребить.

Херсонеситы слушали Гикию, оцепенев от ужаса.

– Скоро подойдет этот день, – продолжала Гикия. – Он должен быть проведен как обычно. Вы получите все, чем я обещала угощать вас. Приходите в мой дом и веселитесь, чтобы враги ничего не заподозрили. Все, что вы будете получать, употребляйте умеренно, поминайте моего отца, пляшите на улицах, однако об опасности не забывайте. Дома у каждого должны быть припасены хворост и факелы. И когда я знаком покажу, что надо кончать пир, вы спокойно разойдетесь по домам. Я раньше обыкновенного велю закрыть ворота. А вы тотчас высылайте слуг с хворостом и факелами, пусть они обкладывают весь мой дом, все входы и выходы. Чтобы дерево быстрее загорелось, велите обливать его маслом. Тогда я выйду, и вы зажжете хворост, а затем окружите дом и будете следить, чтобы из него никто не ушел живым. Теперь идите и приготовьте все, о чем я говорила. И не забывайте о своей клятве...

Как было условлено, в день памяти Ламаха население города целый день веселилось на улицах. Гикия щедро раздавала вино на пиру в своем доме, часто угощала своего мужа, сама же воздерживалась, как и ее рабыни: она приказывала наливать себе воду в чашу пурпурного цвета, где вода казалась вином.

Когда наступил вечер и граждане, как бы утомясь, разошлись по домам, Гикия стала звать мужа отдыхать. Он охотно согласился, так как со своей стороны старался не возбудить в ней никаких подозрений. Она велела закрыть ворота и все выходы и принести ей, как обычно, ключи. И тотчас тайно приказала надежным служанкам выносить из дома одежду, золото, различные драгоценности.

Дождавшись, пока все в доме успокоилось, и видя, что уснул опьяневший муж, Гикия вышла из спальни и заперла за собой дверь, позвала служанок и вместе с ними оставила двор. На улице она сказала, чтобы подожгли дом со всех сторон.

Огонь быстро охватил все здание. Боспорские воины пытались спастись, но их тут же убивали. Они все до единого были истреблены. Вот так Гикия избавила родной Херсонес от смертельной опасности, грозившей со стороны Боспорского царства.

Благодарные граждане вскоре поставили в честь Гикии на главной площади две статуи. Одна изображала ее сообщавшей херсонеситам о заговоре мужа, другая – вооруженной, мстящей заговорщикам. На постаментах были высечены надписи, гласившие, что сделала Гикия для города.

Когда Гикия напомнила про обещание похоронить ее в черте города и попросила повторить клятву, среди правителей раздалось возражения: некрополь у херсонеситов был далеко вне стен города, вблизи своих жилищ они никого не хоронили. Горожане предложили вместо этого восстановить уничтоженный дом Гикии за счет общественных средств. Гикия не уступала и настояла на своем: ей снова пообещали, что ее желание будет выполнено.

Через несколько лет мудрая Гикия задумала испытать, будут ли граждане верны своей клятве. Она сговорилась со своими рабынями, чтобы те разнесли по городу слух о внезапной кончине их госпожи.

Печаль охватила население Херсонеса. Народ толпился у дома всеми любимой героини. Ее рабыни и близкие приготавливали тело «умершей» Гикии к похоронному обряду.

Старейшины после совещания все же не решились, несмотря на клятву, нарушить древний обычай греков и постановили вынести Гикию за город и там похоронить.

Когда похоронная процессия остановилась у раскрытой могилы, Гикия поднялась из саркофага и стала горько упрекать граждан в обмане и нарушении клятвы.

Пристыженные старейшины в третий раз поклялись исполнить ее желание. Еще при жизни Гикии ей позволили избрать внутри города место для погребения и отметили его медным позолоченным бюстом. И тот, кто хотел испытать чувство восхищения прекрасным, всякий раз смахивал пыль с памятника Гикии и читал на нем надпись о смелом ее подвиге.

(Из собрания В. Кондараки)

Смерть Митридата

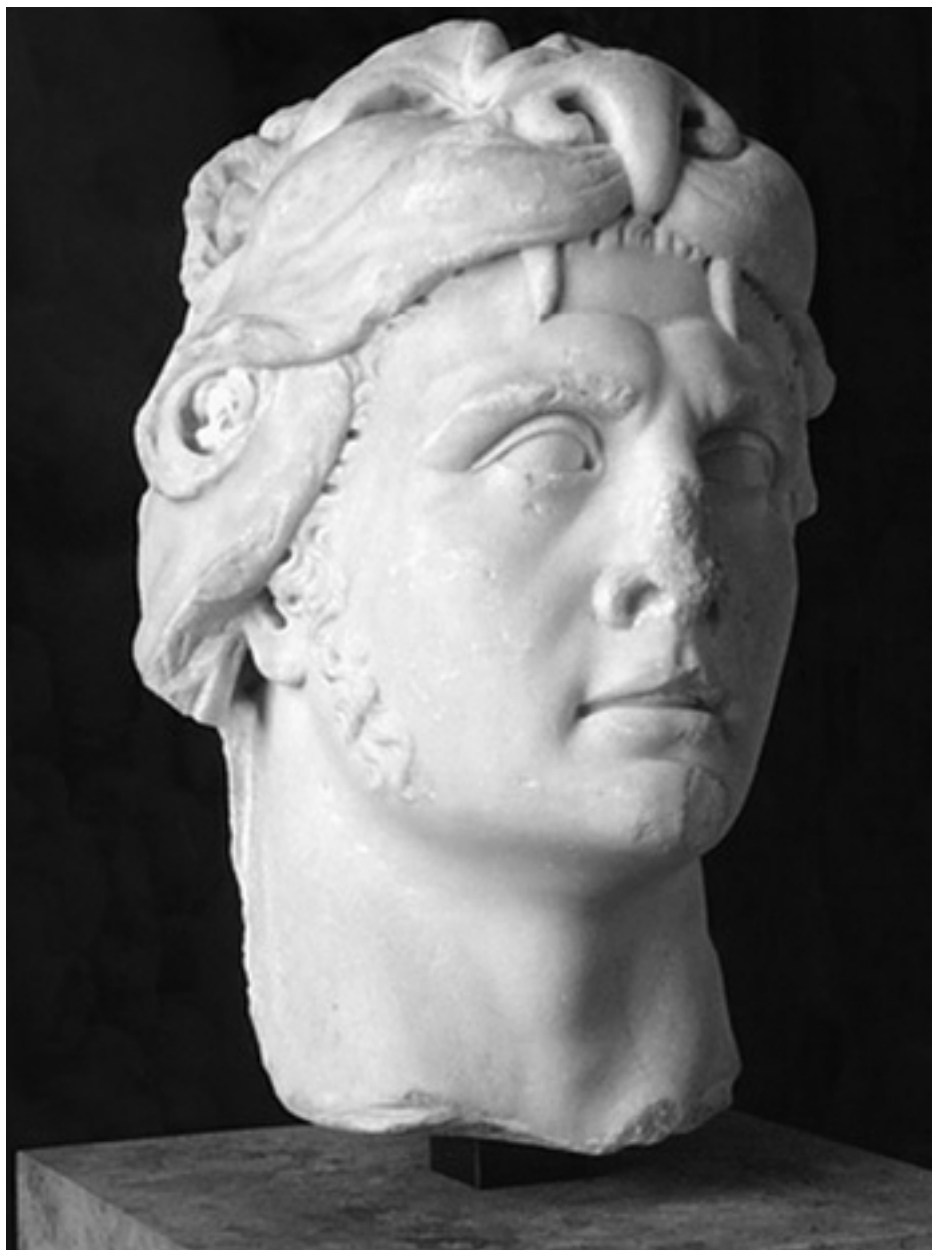
Митридат был одним из самых могущественных властителей древности. Он подчинил себе многие народы Востока, он завоевал богатый Херсонес, а затем и великое Боспорское царство и утвердил свое господство на Понте Эвксинском.

Митридат был одним из самых образованных людей своего времени. Он знал двадцать два языка, так что мог свободно изъясняться с подвластными ему племенами и творить суд над ними, не обращаясь за помощью к толмачам.

Митридат, как ни один из смертных, был крепко привязан к жизни. Он ежедневно на протяжении многих лет принимал ядовитые снадобья и так приспособил к ним свой организм, что, когда захотел умереть, смерть не пришла к нему.

Но, как и каждый властелин, Митридат был жестоким, несправедливым и самоуверенным. Это и погубило его.

Народы, находившиеся под владычеством Митридата, не раз восставали против тирана и пытались освободиться от невыносимого гнета. А с другой стороны Митридату все время угрожал могущественный Рим, который стремился заполучить такие прекрасные земли, как Таврия и Колхида. Не имея поддержки со стороны тавров, скифов, савроматов и других народов, Митридат терпел от римских легионов поражение за поражением.

Митридат VI Евпатор

Последний сокрушительный удар нанес Митридату римский полководец Помпей. Окончательно разгромленный, потерявший свое войско, Митридат еле спасся бегством и не успел даже забрать с собой свою больную дочь Дрипетину. Она осталась в крепости Сингория на попечении евнуха Минофила, который лечил ее от тяжелого недуга.

Вскоре римляне подошли к крепости Сингория и окружили ее. Видя, что защитники крепости собираются сдаваться и что благородная дочь Митридата будет отдана на потеху жестоким врагам, Минофил одним ударом ножа убил ее, а другим покончил с собой.

А тем временем Митридат, достигнув Пантикапея, начал лихорадочно готовиться к новому сражению с римлянами. Он решил бороться до последнего. Но трудно было старому, израненному волку в одиночку отбиваться от стаи шакалов. Понял Митридат, что военачальники его ненадежные, что друзья от него отшатнулись и что довериться никому нельзя.

Собрав новое войско, Митридат обратился к своему сыну Фарнаку:

– Сын мой, на тебя одного надежда. Бери войско и иди на врага. Тебе вверяю я мою судьбу и судьбу моего государства. Иди же и возвращайся с победой.

Не знал старый полководец, что сын его тоже недоволен им и давно помышляет об измене. Решив, что подходящий момент настал, Фарнак не повел войско навстречу римлянам, а повернул его против отца. В городах Боспора, в Херсонесе вспыхнули восстания, на сторону восставших перешли многие военачальники.

Великим гневом воспылил Митридат, услышав об этом. Не помня себя, не веря больше никому и ничему, он казнил несколько своих верных друзей и вместе с ними сына Эксиподра. Потом он велел запереть все ворота крепости, а сам взобрался на высокую стену и стал уговаривать Фарнака:

– Опомнись, сын мой! Подумай, что ты делаешь! Ты погубишь и меня, и себя, и государство!

Но неумолим был Фарнак, и Митридат с гневом продолжал:

– Что ж, пусть свершится то, что ты желаешь: я умру... Но перед смертью своею я проклинаю тебя... И еще прошу богов, если они существуют, чтобы ты услышал когда-нибудь такие же слова от сына своего...

Митридат быстро сошел с крепостной стены и заперся во дворце. Он собрал всех своих жен, наложниц, дочерей, наполнил чаши отравленным вином и приказал:

– Пейте за победу!

Потом он переоделся в одежды простого воина и сам принял яд...

(«Известия древних писателей...»)

Как возникла Ялта

В далекие времена из Константинополя, столицы Византийской империи, отправилось несколько кораблей на поиски новых плодородных земель. Нелегким было плавание, потому что штормами и бурями встретил мореплавателей Понт Эвксинский – Черное море. Но не стало людям легче и тогда, когда утихла буря. На волны опустился густой туман, он закрыл и горизонт и море.

Много дней блуждали в неизвестности моряки. На судах уже кончилась пресная вода и пища. Люди, ослабевшие и утомленные, пали духом и покорно ждали гибели.

Но однажды ранним утром подул легкий спасительный ветерок. Молочная пелена тумана заколебалась и медленно начала расплываться. Сверкающие солнечные лучи ударили в глаза людям, и совсем неподалеку они увидели зелено-лиловые горы.

– Ялос! Ялос! Берег! Берег! – закричал дозорный.

То была прекрасная Таврида, сказочная страна, где не бывает зимы, где воздух, наполненный морской влагой и ароматом трав, легок и целебен, где зреет чудесный виноград и благоухают розы.

Уставшие путешественники воспрянули духом, налегли на весла и направили свои корабли к манящему берегу.

На благодатной земле греки по соседству с местными жителями они основали свое поселение и назвали столь дорогим для себя и долгожданным словом «ялос», что означает по-гречески – берег.

С тех пор, говорят, город и называется Ялтой.

(«Легенды Крыма»)

Девичья башня в Судакe

На самой вершине горы возле Судака стоит одинокая башня. К ней ведет крутая тропинка со следами выбитых в скале ступенек. В те древние времена, когда Судаком владели греки, в этой башне жила дочь архонта, гордая красавица, равной которой не было в Тавриде.

Говорят, Диофант, лучший полководец Митридата, царя Понтийского, тщетно добивался ее руки, а местная знатная молодежь не смела поднять на нее глаза.

Никто не знал, что девушка уже любила – любила простого деревенского пастуха.

И вот как это случилось.

Любимая прислужница дочери архонта сорвалась с кручи и погибла. По обычаю, несчастную девушку похоронили там, где она умерла, и на могильной плите сделали углубление, чтобы в нем собиралась роса, и птицы, утоляя жажду, порхали над могилой и пели умершей свои песни.

Однажды дочь архонта пошла на могилу своей рабыни покормить птиц и тогда впервые увидела у могильной плиты пастуха. Юноша сидел, задумавшись. Красивое смуглое лицо его выражало грусть, а пышные кудри рассыпались по плечам и шевелились под ветром.

Знатная девушка спросила юношу, кто он, откуда родом.

– Как видишь – пастух, а родом... Мать нашла меня в огороде.

Она улыбнулась:

– А почему ты грустный?

– Потому что некому смотреть на меня.

И засмеялся, да так хорошо, что ей показалось, будто никто никогда так не смеялся.

Болтая, они не заметили, как бежало время. Обоим было легко и радостно, и ничто не напоминало, что она – дочь архонта, а он – пастух. Разве для сердец это важно?

С тех пор только мечтами о пастухе и жила прекрасная девушка, а пастух считал, что среди богов и людей не было его счастливей.

Но как-то увидели их вместе и донесли об этом архонту. Приказал архонт схватить пастуха и бросить его в каменный колодец, холодный и тесный, как могила.

Прошло несколько дней, пока узнала обезумевшая от горя девушка, где ее возлюбленный. Лаской, подкупом, хитростью, но она сумела освободить узника из темницы и привести к себе.

Без сознания лежал пастух в комнате девушки, когда открылась дверь и вошел архонт. Он гневно поднял руку, хотел что-то сказать людям, которые пришли с ним, но, увидев смертельно бледную дочь, ее горящий решимостью взгляд, отступил. Легкая усмешка скользнула по его лицу.

– Позовите лекаря, – велел он.

Когда пришел врач, архонт сказал ему громко, чтобы все слышали:

– Я не хочу омрачать печалью добрые чувства моей дочери. Ты должен спасти его ради ее счастья.

И юноша был спасен.

Но архонт вовсе не думал согласиться с выбором дочери. Один вид пастуха вызывал в нем глухую злобу. Он решил хитростью разъединить их, а затем как можно быстрее выдать дочь замуж.

Вскоре уходил корабль в Милет. С этим кораблем архонт хотел отправить пастуха в Грецию якобы с важным поручением.

Генуэзская крепость в Судакe

Архонт велел юноше готовиться в путь.

– Через год, – сказал он дочери, – корабль вернется назад. Если твой возлюбленный не изменит тебе, ты увидишь на мачте белый знак. И тогда я не буду противиться твоему счастью. Но если на корабле не будет этого знака, ты не должна отчаиваться: значит, он не достоин тебя. И ты должна будешь согласиться, чтобы твоим мужем стал Диофант.

А мореходам архонт приказал умертвить пастуха по дороге в Милет.

Для девушки потянулись серые дни, время ползло, как черепаха. Целыми днями проводила дочь архонта в башне и только изредка спускалась к могиле, где впервые встретила пастуха.

Прошел год. Все тревожнее становилась девушка, все чаще выходила смотреть, не появился ли корабль с белым знаком.

Однажды все население города собралось на пристани: прибыл корабль из далекого Милета. Но ожидаемого знака дочь архонта не нашла на мачте.

Позвала она рабынь и велела подать себе самую лучшую тунику и диадему из сапфира и опала. Потом девушка поднялась на вершину башни, туда, где ее опоясывают зубцы.

– Позовите Диофанта, – попросила девушка.

Вскоре на вершину башни взбежал влюбленный полководец и кинулся к дочери архонта. Она остановила его жестом.

– Ты домогался меня, не спрашивая, нужен ли ты мне, – сказала она. – А ты ведь знал, что я люблю другого – пастуха, который где-то погиб или убит. Что же ты хотел взять у меня, если тебе не нужно было мое сердце? Я должна была стать твоей наложницей, называясь твоей женой. Ничтожные люди! И ты, и отец мой! Вы не знаете, что такое сердце и любовь. А я покажу вам.

Дочь архонта быстро подошла к просвету между зубцами и бросилась вниз.

С той поры башню на скале называют Девичьей.

(Из собрания Н. Маркса)

Прекрасная Феодора

Память народная много веков хранит легенду о прекрасной Феодоре, славной царевне сугдейской.

Доброта, ясный ум, непоколебимая воля и мужество Феодоры снискали ей добрую славу. А красота Феодоры соперничала с красотой южной страны, которой она управляла.

Многие знатные вожди желали назвать красавицу Феодору своей женой. Одни предлагали ей свои богатства, другие славу, добытую в сражениях, третьи – молодость и красоту. Но всем отказывала царевна, ибо она дала обет безбрачия.

Замок, где жила Феодора, находился на вершине высокой скалы. Отсюда Феодора видела, как горными дорогами тянулись в Сугдею караваны верблюдов, навьюченных товарами, как к берегу причаливали иноземные суда.

Сугдея в то время была большим торговым городом и главным портом крымского побережья. Товары, шедшие с севера, востока и с юга, проходили через Сугдею. Здесь, на великом торжище, можно было услышать разноязычный говор, увидеть венецианские тонкие сукна, китайские шелка, индийские ковры. Русские привозили в богатый и цветущий Сурож, как они называли Сугдею, горностаевые и другие драгоценные меха, чтобы обменять их у купцов восточных на бумажные и шелковые ткани и на пряные коренья.

Смотрела Феодора с высоты замка на свою страну, растянувшуюся вдоль побережья до самой Медведь-горы, и тревожные думы овладевали ею. С севера к границам Сугдеи подступали орды татар, а на востоке, в Кафе, притаились коварные генуэзцы, которые так и ждут случая напасть на богатых своих соседей. Да и в самой Сугдее неспокойно. Ссорятся между собой приближенные, беду накликают.

С детских лет Феодора росла и воспитывалась вместе с двумя мальчиками-близнецами – Ираклием и Константином. Она разделяла с ними детские игры, не уступала им ни в чем – ни в плавании, ни в скачках на коне, ни в стрельбе из лука, ни в фехтовании. Крепко подружились Ираклий и Константин с Феодорой. А когда братья выросли и превратились в стройных, красивых юношей, их детская дружба к Феодоре переросла в пламенную любовь. Каждый из них предлагал красавице руку и сердце, и каждый в глубине души надеялся, что она изберет именно его. Но царевна отказывала и тому и другому, ссылаясь на данный ею обет безбрачия.

Однажды Ираклий, оставшись наедине с Феодорой, решительно сказал ей:

– Феодора, забудь свой суровый обет, позволь мне назвать тебя своей женой!

Девушка, как и прежде, ответила:

– Нет, Ираклий, не женой, а сестрой я буду для тебя.

– О прекрасная Феодора, сжался надо мной! – взмолился Ираклий.

– Успокойся, Ираклий. Ты мне дорог, как брат, я всегда буду ценить твою дружбу. Но знай, что я никогда не нарушу обет, я никогда не расстанусь со свободной девичьей судьбой.

Отвергнутый юноша молча повернулся и ушел, навеки затаив злобу в своем сердце на красавицу Феодору и на своего брата Константина, которого он считал своим соперником. «Что ж, Феодора, – размышлял Ираклий, – не хочешь добровольно, я силой тебя возьму. Я стану царем сугдейским, а ты будешь моей рабой».

Константин, в противоположность своему брату Ираклию, был добрым, честным и скромным. Страстно любя Феодору, он помнил данный ею обет и не навязывался ей в мужья. Он хорошо понимал Феодору, ибо сам прежде всего ценил свободу и независимость. «Что ж, Феодора, – думал Константин, – будь по-твоему. Но до конца дней своих я останусь верен тебе, буду любить тебя и оберегать от всяческих опасностей».

Тем временем Ираклий решил осуществить свои коварные замыслы. Пробравшись в Кафу, он убедил генуэзцев напасть на Сугдею, обещая помочь им при взятии города. В награду за помощь предатель потребовал немного – пленницу Феодору.

И вскоре генуэзцы, как черные коршуны, облепили крепкие стены Сугдеи. Несмотря на численное превосходство, они все же не смогли с ходу взять город. Сугдейцы во главе с Константином и Феодорой стойко и мужественно отбивали натиск врагов на протяжении двух месяцев.

Тогда Ираклий, пользуясь своим сходством с Константином, под покровом ночи проник в осажденную Сугдею. Зная все ходы и выходы, он беспрепятственно, никем не замеченный, подошел к главным городским воротам. Два воина, сторожившие ворота, приняв Ираклия за Константина, подпустили его близко к себе. В один момент они оба упали замертво, сраженные метким мечом предателя. Ираклий открыл ворота и впустил в город генуэзцев.

С криком и воем ворвались враги в спящую Сугдею. Началась кровавая битва на улицах, во дворах, в домах. Застигнутые врасплох, сугдейцы не смогли оказать захватчикам достойного сопротивления, и к утру Сугдея была взята.

Напрасно Ираклий предвкушал радость победы, напрасно ожидал, что вот-вот приведут ему связанную Феодору, которая упадет перед ним на колени и будет молить о пощаде. Как громом поразила его весть о том, что и Феодора и Константин вместе с группой защитников бежали на запад и укрылись в крепости Алустон. Посылая проклятия на головы беглецов, Ираклий поклялся схватить их живыми или мертвыми.

Через два дня генуэзские галеры показались у Алустона. Началась осада крепости. Войска генуэзцев бесчисленное количество раз шли на приступ, но безуспешно. На головы осаждающих сыпались камни, летели стрелы, лилась кипящая смола. Тогда генуэзцы подвезли стенобитные орудия, под ударами которых начали разрушаться стены.

Видя, что Алустон не удержать, Феодора приказала воинам и жителям уйти из крепости и спрятаться на горе Кагель.

Казалось, сама природа позаботилась о том, чтобы сделать куполообразную Кагель-гору неприступной. Редкий смельчак смог бы одолеть ее почти отвесные скалы. Кроме того, Кагель была дважды опоясана крепостными стенами, сложенными из крепкого, звонкого камня. К плоской вершине горы, где находился замок и другие строения, вела одна-единственная тропинка, заросшая густым лесом. По этой тропинке и повел Ираклий генуэзцев.

Подойдя к первому поясу укреплений, генуэзцы поняли, что силой им не овладеть крепостью. Тогда они окружили Кагель и стали выжидать, когда голод и жажда заставят беглецов сдаться.

Выжидание не входило в расчеты Ираклия, желавшего как можно скорее заполучить Феодору и расправиться с братом. Он снова предложил генуэзцам свои услуги.

По известному ему одному подземному ходу Ираклий пробрался на Кагель. И на этот раз воины были обмануты поразительным сходством братьев-близнецов. Приняв Ираклия за Константина, они пропустили его к воротам.

И тут Ираклий вдруг увидел своего брата, стоявшего у бойницы. Не задумываясь, Ираклий нанес ему в спину смертельный удар. Константин повернулся, посмотрел на брата помутневшими глазами, что-то прошептал и повалился на землю.

Находившиеся недалеко воины, учуяв неладное, бросились к Ираклию, но было уже поздно. Тот успел отодвинуть засов, и враги хлынули в открытые ворота.

На шум битвы из замка выбежала Феодора. Дорогу ей преградил Ираклий.

– Что случилось? – спросила она, приняв его за Константина.

– Враги на Кагели! – закричал Ираклий. – Ты моя, Феодора, я спасу тебя!

Узнав Ираклия, Феодора в одно мгновение занесла над его головой меч.

– Будь проклят, предатель! – проговорила она, и отсеченная голова Ираклия упала к ее ногам.

Взошла луна и осветила ночное сражение на Кастель-горе. Сверкали под лунным светом щиты, звенели мечи, тут и там раздавались стоны раненых. В первых рядах воинов сражалась Феодора. Вся израненная, с решительным, пылавшим гневом лицом, она была и страшна и прекрасна. Враги пятились от нее, как от грозного привидения...

На юго-западной стороне Кастели, где нет растительности, видны темные полосы. Как передает народная молва, это следы кровавых ручьев, стекавших по скалам, следы жестокой битвы, в которой полегли все до единого защитники Кастель-горы вместе с девушкой-воином Феодорой.

(«Очерки Крыма»)

О колыбели, спрятанной на горе Басман

Когда-то в Крыму существовали два сильных княжества. Одно из них, расположенное на побережье, именовалось генуэзским. Другое находилось в горах и потому называлось горским.

Княжества эти вели между собой непрерывную войну. Генуэзцы угоняли стада горцев и разоряли селения. Горцы в ответ нападали на генуэзские крепости и уводили в горы пленных.

Такое положение не могло длиться бесконечно, надо было решить споры. Но как? Вопрос этот враждующие князья задали своим советникам.

Некоторое время спустя генуэзский посол явился со свитой к горскому князю и предложил вечную дружбу. И если горцы действительно искренне желают дружбы, то пусть выдадут генуэзцам золотую колыбель – священную реликвию горского народа, которая изображена на его знамени.

– Мы требуем этого только потому, – сказал генуэзец, – что знаем, как высоко цените вы колыбель. Передайте ее нам – и мы убедимся, что вы дорожите миром больше всего на свете.

Услышав это требование, горский князь обнажил саблю и ответил:

– Твои слова так оскорбительны, что я готов тебя убить. Неужели ты не знаешь, что в этой колыбели вскормлены все мы и что у нее клялись в верности своему народу наши предки?

Посол генуэзцев настаивал на своем и добавил:

– Мы жаждем согласия с вами и готовы тоже дать вам в залог самое дорогое, что имеем.

Вождь горского народа немедленно собрал своих советников, рассказал о предложении генуэзцев. Долго думали горские советники. Они ни за что не хотели расстаться со святыней своего народа, ибо это значило, что они добровольно согласны лишиться себя своего имени, свободы и независимости.

– Надо попросить у генуэзцев ту бумагу, по которой они владеют землей в Крыму, – решил совет горцев. – Нечего думать, что они на это согласятся. А тогда начнем переговоры о мире на иных условиях.

Генуэзскому послу передали ответ горского князя. Посол молча повернулся и со своей свитой отправился на побережье. Прошла еще неделя, и от генуэзского князя явился новый гонец.

– Возьмите у нас все что угодно, – говорил он, – но только не эту бумагу.

– А что же дороже ее есть у вас? Ведь осмелились же вы говорить с нами о нашей святыне!

– Мы – это другое дело, – сказал посол. – Вы известны как народ гордый, неустрашимый, и вас можно заставить помириться с нами, только отняв вашу святыню.

– Спасибо за доброе слово! – усмехнулся горский князь. – Но почему вы держитесь за клочок бумаги? Что он вам дает?

– А какие же права на землю останутся у нас, если мы лишимся этой бумаги?

– Не договоримся мы, наверное, – сказал князь.

– Смотри, не озлоби нас. Мы силой заберем вашу святыню, раз вы сами не хотите отдать ее нам.

– Ты угрожаешь, – ответил горец, – но легче говорить, чем сделать. Народ наш не боится никого и скорее весь до последнего ляжет в битве, чем продаст свою честь!

– Другого ответа я не дождусь?

– Нет!

Разгорелась новая война между генуэзцами и горцами. Редели ряды славных защитников знамени с изображением золотой колыбели. Княжеству грозила гибель. Генуэзцы требовали золотую колыбель, обещая прекратить войну. Тогда горский князь собрал народ и спросил, не лучше ли согласиться с такими условиями.

– Мы не хотим этого! – закричали воины. – Не допустим позора, пока жив хоть один из нас!

– Друзья мои! – воскликнул князь. – Пока цела наша святыня, народ живет, хотя бы осталась от него только горстка людей. Поэтому я спрячу святыню так, чтобы ее не нашел никто из врагов. И наложу на нее заклятие, чтобы далась она в руки только тем, кто приблизится к ней с чистыми побуждениями...

Сказав это, князь с небольшой группой близких людей направился к пещере на горе Басман, близ Биюк-Узенбаша. Только им одним известными тропами они добрались до нее.

Воины внесли золотую колыбель в глубь извилистой пещеры и оставили князя одного. Став на колени, он тихо произнес:

– Могучие духи! Я и народ мой вверяем вам самое дорогое, чем мы обладаем. Его хотят отнять алчные соседи – генуэзцы, чтобы лишить нас имени, чести и свободы. Горские воины бьются с ними сейчас не на жизнь, а на смерть. Если они не сумеют одолеть жестокого врага и погибнут, прошу вас: примите под свою охрану нашу святыню и сохраните ее для грядущих поколений.

– Так будет! – раздалось в мрачной пустоте пещеры.

– Заклинаю вас покарать того, кто захочет взять эту колыбель ради порабощения другого народа или ради какого-нибудь иного злого умысла.

– Так будет! – опять донеслось из мрачной пустоты.

– Могучие духи! Я прошу вас открыть место, где хранится колыбель нашего народа, тем людям, которые будут искать ее для возрождения моего народа, его славного имени, его непокорного духа. И помогите мне в битве за жизнь моей семьи, жен и детей моих воинов, за нашу землю, горы, за наши поля и жилища!

В этот момент перед князем появился старец в белой одежде и сказал ему:

– Не отчаивайся! Тяжелые дни переживает твой народ, но наступят для него и лучшие времена. Это будет не скоро, немало горя испытает он. Однако, смотря вдаль, я вижу его возрожденные поля, шумные города, счастливых людей. Не отчаивайся, если даже потерпишь поражение...

– А что будет с генуэзцами, нашими врагами?

– Судьба их несчастна, как и всех захватчиков. Они навсегда исчезнут с этой земли.

Старец медленно ушел в глубину пещеры, а князь выбрался из нее и поспешил к своим воинам.

Долго еще длилась война между двумя народами. И каких бы побед ни достигали генуэзцы, они не добивались своего, не могли захватить золотую колыбель.

Ушли последние отряды горцев с родной земли, уступили злобной силе. Но и ряды их врагов ослабли. И когда неожиданно орды новых захватчиков нагрянули на генуэзцев, они с позором бежали, чтобы никогда больше не появляться на крымской земле. А бумагу, которая давала им право владеть ею, унес ветер в далекое море, и исчезла она навеки.

Столетие за столетием кипели битвы за горскую землю, а в пещере на горе Басман хранилась чудесная золотая колыбель.

Много смельчаков пыталось завладеть ею, но им не удавалось добраться до нее. Они возвращались изуродованные, с помутившимся разумом.

Однако наступило время, и раскрыли горы свои богатства. Живущий сегодня в Крыму народ добыл эту колыбель. В его сердце – беззаветная любовь к родине, как у горцев, на знамени которых была когда-то изображена золотая колыбель.

(Из собрания В. Кондараки)

Скала явления святого Георгия

Недалеко от мыса Фиолент высится в море небольшая скала. Ничем как будто не примечательна эта скала, но вот о чем рассказывает легенда.

Команда небольшого торгового судна таврических греков во время плавания по Черному морю вблизи обрывистых берегов мыса Фиолент была застигнута небывалой для этих мест бурей. Страшный шторм обрушился на маленькое суденышко мужественных греков. Свирепый шквалистый ветер порвал в клочья все паруса, поломал стройные мачты и сорвал надежный руль. Темные и тяжелые тучи спустились низко над бушующими волнами, закрыв весь горизонт. Гигантские разъяренные волны в неукротимой ярости обрушились на палубу и стали нести корабль на высокий невидимый скалистый берег. Видя неизбежную гибель, команда судна бросилась на колени с верою и молитвою. Они подняли руки к небу и стали горячо молиться, обращаясь к святому великомученику Георгию Победоносцу: «О святой Георгий, наш покровитель, помоги нам, спаси нас от неминуемой гибели». Услышав сердечные вопли погибающих, святой Георгий явился перед молящимися, весь в сиянии, из кромешной темноты на небольшой скале в море у берега. Он, воздев руки к небесам, обратился к самому Богу, и его призыв был услышан – буря тотчас же стихла. Избавленные от верной гибели, греки взобрались на эту скалу и там обрели икону великомученика святого Георгия. Они увидели невдалеке высокий скалистый берег и перебрались на него со скалы, взяв с собой икону. В благодарность за свое счастливое спасение они основали в ближайшей пещере на берегу напротив скалы, где явился святой Георгий, пещерный храм и установили там приобретенную икону. Наиболее набожные греки поселились здесь же навсегда, образовав братию. Устроившись жить, они не забывали о своем верном спасителе, каждодневно молились святому Георгию и неустанно трудились, возводя жилые постройки, хозяйственные помещения и ведя образцовое хозяйство.

(«Легенды и предания Крыма»)

Как к нам пришла христианская вера

Старые боги хорошо служили князю. Он не знал поражений, и соседи исправно платили ему дань. Удача сопутствовала Владимиру не только в сражениях: житницы Киева были полны отборного зерна, купцы охотно привозили в город товары, зная, что князь не даст их в обиду.

От бабки своей Ольги Владимир унаследовал мудрость и твердость характера. Княгиня Ольга часто рассказывала ему о пращуре – Вещем Олеге, о походах его и досадной смерти от укуса змеи. Рассказывала она также о чудесах и красоте дальних земель, о том, каким богам поклоняются люди в других землях.

Войдя в лета, князь Владимир эти рассказы о вере не забыл. А были три веры, во всяком случае, так говорили купцы: иудейская, христианская, мусульманская. Не на лесной поляне, не под лапами темных елок молились своим богам иудеи, христиане, мусульмане. Купцы разводили руками, поднятыми в восторге, и сладко закрывали глаза, описывая великолепие царьградских церквей, стройность и звонкость минаретов Мекки и суровое величие домов, где молились иудеи в своем Иерусалиме. Князю в такие минуты собственные боги казались беспомощными и жалкими.

Из всех церквей, из всех вер, поразмыслив, Владимир выбрал самую светлую – христианскую. И все приближенные вслед князю важно кивали: надо поспешить в Царьград за верой, «Славна вера христианская, она же нарядна... В тысячу свечей, слышал, славят Господа, так же станут и князя».

Но как сделать, чтобы и веру новую принять, а до просьб, до поклонов перед царьградскими императорами не унизиться? И задумал Владимир идти походом на город Корсунь...

Корсунь – тот же Херсонес. Владимир пришел с дружиною под стены Корсуни и взял его в осаду.

Не ждали, не ведали херсонесские греки такой напасти. Ничем Владимира они не обидели, торговали мирно с Киевом, с другими городами, и вот такое горе: стоит под стенами вражья дружина. Надолго ли хватит городу мужества и продовольствия? Одна надежда на Бога...

Однако город не торопился сдаваться. Пошли на приступ, как не раз уже ходили. Но приступ не удался, хотя крови пролили немало. Князь посуровел, и молодой русич, по его приказу, крикнул осажденным, что стоять, осаждая город, они будут до победного конца. И месяц, и год, и три года! Похоронили убитых, а к вечеру разожгли поминальные костры, жарили целиком молодых бычков, баранов, отбитых тут же в селениях, окружавших Херсонес. Пахло салом, капающим на угли. Поминали бражкой, медовухой, громко кричали. Князь нарочно не отошел ни на сажень от стен: пусть осажденные слышат могучие крики, а пуще того – сытный запах мяса. Пусть подумают о своей судьбе!

Потом стали сыпать землю к стене, чтоб в сражении иметь преимущество – как бы ступеньку для разбега. Но дело шло худо: наутро глядь-поглядь, а земля осела, как будто и не насыпали ее десять ночей подряд. Ломают голову: в чем дело?

А дело в том, что недаром греки сльвут самым хитроумным народом. Подкопали с той, городской, стены, и все, что дружинники Владимира насыпали, уносили они внутрь крепости...

Греки хитры да голодны, русичи же упорны. А осада идет ни мало ни много – девятый месяц. Уже и дружины притомилась, как-никак и осень пережила под открытым небом, и зиму. А каково в городе?

И вот настал момент, когда среди осажденных нашелся человек, который не выдержал трудностей осады. Грек Настас пустил в лагерь Владимира стрелу с письмом, в котором открыл главную тайну осажденных: указал, где источники питьевой воды. Русичи, найдя эти источники, перекрыли их. Оставшись без воды, осажденные вынуждены были сдаться, тем более что Владимир обещал сохранить жизнь всем жителям города.

Взяв город, Владимир отправил византийским императорам послание: «Слышал, у вас сестра в девицах, если не отдадите ее за меня, то и с вашим городом будет то же, что с Корсунем».

Императоры после долгих разговоров и сомнений решили: «Крестись, и пошлем тебе сестру».

А этого только Владимиру и надо. Не уронил он себя: обратился к императорам как победитель – с требованием. Вдобавок к пышной, желанной вере получить еще их дружбу и родственные связи с самым, может быть, во всей земле влиятельным родом Палеологов.

Храм Святого Владимира

...Долго ли, коротко происходили разговоры, Анну привезли в Корсунь. Крылатый корабль быстренько бежал по синему морю, Анна же сама не знала: хочется ли ей скорее закончить путешествие, раз уж такой выпал жребий? Или, напротив, хочет она продлить его? Ведь как-никак корабль – это продолжение родной земли... Здесь еще свои обычаи, а что там будет, да не в Херсонесе христианском и понятном, а в лесах Киевского княжества?

И вот, наконец, открылись белые, низкие, изрезанные бухтами берега. Красными коврами были убраны причал и дорога к площади. Высокие люди в блестящих на солнце шлемах и кольчугах стояли по обе стороны ковров. А впереди всех стоял тот, кто, очевидно, предназначался ей в мужья.

Русые волосы его, ровно разделенные пробором, стояли высокой шапкой. Ветер слегка шевелил кольца короткой бороды. Глаза человека смотрели настороженно. Но вот мгновение, и они раскрылись широко, в восхищении. Вобрали в себя и силуэт корабля, и блеск парчи на одеждах священнослужителей, и богатство ее свадебного наряда. А потом глаза эти под ровными, темными бровями встретились с ее взглядом – и потеплели.

И вдруг Анна поняла: главное в том, что князю понравилась ее красота. Что, кроме всего прочего, она – просто женщина, а он – просто мужчина, и быть им теперь единым целым,

родить детей, править домом, делить тяготы и торжествовать вместе. И вера ее станет его верой, а она будет укреплять его в этой вере.

Вот так, по легендам и летописям, пришло к нам христианство. Крестили сначала самого Владимира, а потом уже всех остальных русичей.

Стоит с крестом в руках над Киевом на горе Владимир Красное Солнышко, а в Херсонесе на месте, где князь принимал христианство, возвышается собор Святого Владимира.

(«Легенды и предания Крыма»)

Поход Бравлина

В наших старых рукописных сборниках, минеях и торжественниках встречается рассказ, как вскоре, по кончине святого Стефана Сурожского, стало быть, в конце VIII или в начале IX века, на Сурож, теперешний Судак, напал русский князь Бравлин. Он пришел из Новгорода и, прежде чем осадить Сурож, опустошил все побережье Черного моря, от Корсуня до Керчи. Десять дней продолжалась осада Сурожа, но на одиннадцатый, когда удалось взломать Железные ворота, город пал и был предан грабежу. С мечом в руке сам Бравлин бросился к Святой Софии, где покоились в драгоценной раке мощи святого Стефана, рассек двери храма и захватил его сокровища. Но тут случилось чудо. У раки святого постиг князя паралич. Поняв кару свыше, Бравлин вернул храму все захваченное, и, когда это не помогло, приказал своим воинам очистить город, отдать святому Стефану всю награбленную в Крыму церковную утварь, и, наконец, решил креститься. Преемник святого Стефана архиепископ Филарет, в сослужении местного духовенства, тут же совершил крещение князя, а затем и его бояр. После этого Бравлин почувствовал облегчение, но полное исцеление получил, лишь когда, по совету духовенства, дал обет освободить всех пленных, захваченных на крымском побережье. Внеся богатый вклад святому Стефану и почтив своим приветом местное население, князь Бравлин удалился из сурожских пределов.

Таково содержание легенды, которая представляет для нас, русских, несомненный интерес.

В самом деле, сурожская легенда говорит об историческом факте, не известном нам ни по летописи, ни по другим источникам. Она называет имена действующих лиц и место действия, устанавливает приблизительную дату события и всем этим проливает некоторый свет на эпоху, на полстолетия предшествующую той, с которой мы привыкли связывать выступление русских на историческую арену.

Сам по себе факт отвечает возможностям времени. Ныне окончательно установлено, что поход русских на Царьград времен Аскольда и Дира, отнесенный летописью к 866 году, имел место в действительности в 860 году, то есть ранее официальной даты бытия Руси. Но если в половине IX века мог быть совершен морской поход на дальний Царьград, то мысль о более ранних походах на более близкие крымские колонии напрашивается сама собой...

Наша сурожская легенда связана с именем Стефана Сурожского. Святой Стефан – лицо историческое, и память о нем закреплена минологией Василия конца X века. По этому минологу, святой Стефан пострадал за иконы при царе Константине Копрониме (741–775), и нет никакого сомнения, что это его подпись дошла до нас в протоколе пятого заседания на седьмом вселенском Никейском соборе 787 года («Стефан, недостойный епископ города Сугдайского, охотно принимая все выше описанное, подписался»). Сугдею, или Сугдаю, русские называли Сурожем).

То обстоятельство, что Греческая церковь не празднует этого святого, не должно смущать исследователя, так как Стефан Сурожский был местный святой и чествование его могло не выходить за местные крымские пределы. А что в Крыму, и именно в Суроже, он был почитаем, доказывает Сугдейский синаксарь XII века, найденный в 40-х годах XIX столетия в библиотеке греческой богословской школы на острове Халки (близ Константинополя).

В нем помещено краткое житие Стефана Сурожского и на полях сделаны пометки последующими обладателями рукописи XIII и XIV веков, пометки, относящиеся к интересам и событиям местной сурожской жизни. Из них можно заключить, что память святого Стефана праздновалась, как у нас теперь, 15 декабря, что мощи его покоились в алтаре Святой Софии и что в Суроже в честь его была построена церковь, которую вместе со Святой Софией разру-

шил в 1327 году некий Агач Пасли. Уцелели ли при этом мощи святого Стефана до времени окончательного разгрома города турками, в конце XV века не выяснено.

Но если мы не знаем ни одного подробного греческого жития Стефана Сурожского с приведением посмертных чудес и в том же числе чуда с русским князем Бравлином, то такие жития святого в древнерусской литературе XV–XVI века не составляют исключения.

(Месяцеслов)

Еще в начале XV века в Москву прибыл из Суружа Стефан Васильевич Сурожский (родоначальник Головиных и Третьяковых), и, может быть, он-то и завез на Русь житие святого Стефана...

Надо думать, что русское житие Стефана появилось именно в XV веке, а не раньше, так как в состав его вошло заимствование из жития Петра-митрополита, а митрополит Петр умер в начале XV века.

С этого времени на житие Стефана начинают делаться отсылки. Так в жизнеописании преподобного Дмитрия Прилуцкого, составленном во второй половине XV века, как отметил В. О. Ключевский, приведен рассказ из Стефанова жития.

В XVI веке житие Стефана Сурожского рассматривается уже как важный исторический документ, и приведенный в нем рассказ о походе князя Бравлина принимается как факт. Так Степенная книга царского родословия говорит:

«Иже и преже Рюрикова пришествия в словенскую землю, не худа бяша держава словенского языка; воинствоваху бо и тогла на многие страны, на Селунский град и на Херсон и на прочих тамо, якоже свидетельствует нечто мало от части в чудесах великомученика Димитрия и св. архиепископа Стефана Сурожского».

Однако в последующее время доверие к исторической ценности жития падает, и эпизод с князем Бравлиным не входит ни в печатный пролог 1642 года, ни в Минеи-Четьи Димитрия Ростовского. Постепенно легенда о походе на Суруж ускользает из историко-литературного кругозора и забывается настолько основательно, что только благодаря найденному А. Х. Востоковым одному рукописному сборнику с легендой наши историки снова вспомнили о ней с середины XIX века...

Память о святом Стефане и доселе чтима в Судакском округе. Верстах в пятнадцати от Судака, в Кизильташских горах, ютится монастырь его имени, русский монастырь 50-х годов XIX столетия, и монахи уверяют, что монастырь возведен на том именно месте, где во времена, близкие к Стефану, был построен храм в честь этого святого. Имя Стефана распространено и в русском, и в инородческом населении общины, но народ не сохранил памяти ни о Святой Софии, где покоились мощи святого, ни о храме его имени в Судаке; остались памятны лишь Железные ворота. Неподалеку от немецкой колонии, в сторону Нового Света, выход из ущелья и доселе носит имя Железных ворот, а вблизи можно найти остатки старинных построек.

Не здесь ли нужно предположить местоположение Суружа времен святого Стефана и похода на Суруж русского князя Бравлина?

(«Легенды Крыма»)

Почему Черное море бурливое

Давно это было, кто знает, когда все это было...

Жил на земле сказочный богатырь, силы неслыханной, смелости невиданной. Имел он оружие удивительное – волшебную стрелу. Но не тем стрела славилась, что была из чистого золота выкована, драгоценными камнями усыпана, а тем, что обладала чудесным свойством. Стоило богатырю взять свой лук, натянуть тугую тетиву – и летела стрела на край света с такой быстротой, что человеческий глаз не замечал полета ее. И там, где она проносилась, вспыхивал воздух, закипала вода, плавилась земля, гибло все живое.

Страшное было это оружие! К счастью, находилось оно в надежных руках. Богатырь был человеком благоразумным, справедливым и огненную стрелу без надобности в руки не брал. На другие страны он не покушался, а на его отечество враги не нападали – боялись.

Боялись и в то же время мечтали завладеть этим смертоносным оружием, чтобы чужие земли покорить. Но не тут-то было! Крепко берег волшебную стрелу богатырь, спрятав ее глубоко в подземелье за десятью пудовыми замками.

Много-много лет жил на земле богатырь и много лет неусыпно оберегал чудодейственную стрелу. Но вот пришло время расстаться ему с жизнью. Задумался богатырь: кому передать стрелу? Сыновьям-наследникам? Нельзя. Хотя они воины честные и смелые, но молоды и больно уж горячи. Не удержаться им от соблазна испробовать силу оружия – и вспыхнет тогда братоубийственная война.

Кому же еще? Есть ли на земле человек, достаточно сильный и благоразумный, которому можно было бы доверить стрелу, не опасаясь, что он использует ее во зло человечеству? Нет такого человека, не родился еще! Нельзя оставлять на земле огненную стрелу, ибо злые, алчные люди, завладев таким страшным оружием, могут поджечь весь мир, разрушить его до основания.

И решил богатырь спрятать волшебную стрелу, да так, чтобы ее никто не смог отыскать на протяжении тысячелетий. И лишь тогда, когда люди наконец устанут воевать, когда научатся ценить и беречь мир, – тогда они найдут стрелу, чтобы использовать ее чудодейственную силу в мирном труде.

Позвал богатырь сыновей своих и говорит им:

– Дети мои, я стар и тяжело болен. Немного осталось жить мне на свете. Слушайте же мое последнее повеление: откройте подземелье вот этими ключами, возьмите золотую стрелу, о страшной силе которой вы слыхали, и бросьте ее посредине Черного моря, самого глубокого моря в мире.

Выполняя волю умирающего отца, воины взяли волшебную стрелу и той же ночью отправились в путь.

Долго ли шли они, коротко ли, только вот впереди показались синие горы. Своими высокими вершинами они подпирали голубое, прозрачное, будто из хрусталя, небо. Взобрались братья на синие горы, поднялись к голубому небу, и взорам их открылась величественная картина: далеко-далеко внизу простиралось огромное безбрежное море. Окутанное утренней розоватой дымкой, оно еще спало. В его тихих водах отражался красный шар поднимающегося солнца.

Это было Черное море.

И вдруг братья почувствовали, что жаль им расставаться с драгоценной стрелой, и честолюбивые мечты овладели ими.

– Послушай, брат, – осторожно начал младший, – зачем выбрасывать такое богатство в море? Ведь это наследство наше...

– Да, – подхватил старший, – волшебная стрела по праву должна принадлежать нам, и глупо было бы так просто отказаться от нее...

– А если бы мы обладали огненной стрелой, – продолжал младший брат, – мы завоевали бы эту красивую страну, построили бы на вершине этой горы большой замок, взяли бы себе в жены прекраснейших из прекрасных...

– Да что одну страну! – воскликнул старший брат. – Мы покорили бы все страны, которые знаем и которых еще не знаем. Мы имели бы много жен, нам безропотно подчинялись бы все. Мы стали бы властелинами мира...

И договорились братья, что спрячут они стрелу в горах, а отцу, если тот к их возвращению не умрет, скажут, что исполнили его волю.

Как договорились, так и сделали. Оставили они чудодейственную стрелу в пещере, привалили вход огромным камнем и отправились в обратный путь.

Каково же было их удивление, когда, возвратившись домой, они узнали, что отец каким-то образом раскрыл их замысел. С негодованием набросился старик на своих сыновей, обвиняя их в родительском непослушании.

– Не будет вам моего благословения, – сказал он, – пока чудодейственная стрела не ляжет на дно Черного моря.

Тогда сыновья, убедившись в том, что невозможно сохранить у себя волшебное оружие, снова отправились к берегам далекого моря и с грустью исполнили приказание отца.

Огненная стрела опустилась в бездну морскую. Потемнело от гнева море, закипело, заволновались его тихие воды.

И с тех пор не может успокоиться Черное море. Нет-нет да и снова забурлит оно, закрокет, подымет громадные волны, тщетно пытаясь выбросить из недр своих смертоносное оружие.

(Из собрания В. Кондараки)

Дивчина-чайка

На море на Черном есть остров суровый, немой – красные скалы на буйном зеленом раздолье. Не видно на острове беленьких хаток, кудрявые листья его не покрыли. Одна только тропка зеленая вьется: весенний ручей промыл красную глину, оброс бархат-травой. А дальше – все мертво и глухо.

Но нет, не все: вон там на утесе над морем, где вечно бушует седой прибой, на самой вершине горит по ночам огонек. А днем над утесом чайки печальные вьются, кричат над бушующим морем.

Это что за утес? Почему там огонь? И за что чайки любят утес тот суровый?

Давно, говорят, на остров тот дикий приплыл человек неизвестно откуда. Наверное, горькая доля долго гоняла беднягу по свету, пока не нашел он на острове диком приюта.

Дитя да пожитки убогие вынес из утлого челна на берег и стал себе жить-поживать.

Как жил, чем питался – сначала об этом никто не ведал. Со временем люди узнали, какое доброе сердце у этого человека. Он каждую ночь огромный костер разжигал, чтоб его видно было далеко, чтоб те корабли, которые плыли по волнам зеленым, могли безопасно пройти мимо камней суровых да отмелей скрытых, коварных! А если корабль разбивался о скалы, тогда человек в своем утлом челне отважно бросался на помощь несчастным.

И благодарные люди отдать ему были готовы сокровища, деньги и все, что везли на своих кораблях. Но не брал ничего чужеземец, лишь только еды немного, да дров, да смолы для костра.

И вскоре люди узнали о старике этом странном, прозвали его «аистом морским».

А также узнали о дочери его любимой, которую, словно русалку, и волны морские качали-ласкали, и камни немые, и бури морские жалели-утешали.

И выросла дочь старика, и стала, на диво, прекрасной: бела, словно пена морская; пушистые косы ее, как морская трава, до колен ниспадали, а голубые глаза словно раннее море сияли; а зубы, как жемчуг, сверкали из-под коралловых губ.

Однажды после купания дивчина сладко уснула на теплом песочке (море в то время молчало-дремало). И слышит сквозь сон она шепот. То рядом за камнем втроем собрались: птица-бабич, свинка морская да рыбка – чешуйка золотая.

Вот рыбка и молвит:

– Достану со дна я ей жемчуг, кораллы и яркие самоцветы за то, что спасла меня. Лежала, несчастная, я на косе – сердитые волны забросили очень далеко. Жгло меня солнце, сушило, а хищный мартын белоснежный в небе кружился, и с ним моя смерть приближалась. А добрая дивчина эта взяла меня, ласково мне улыбнулась и в море легко опустила. Я вновь ожила...

– А я хорошо научу ее плавать, нырять, танцевать веселые танцы, чудесные сказки я ей расскажу, – молвила свинка морская, – за то, что она меня кормит, делится честно едой со мной. Погибла бы я без нее...

– А я, – отозвалась задумчиво птица бабич, – а я ей поведаю новость, которой никто здесь не знает. Была я за морем, слыхала: придут сюда корабли и галеры. На тех кораблях и галерах дивные люди с чубами (их зовут казаками). Они никого не боятся и даже древнему морю подарки не дарят, как другие купцы-мореплаватели, лишь веслами бьют его, не уважают. И море разгневалось на чубатых, и злая судьба их всех потопить присудила, сокровища камням отдать да нам, морским слугам. Большой этой тайны никто не знает. А ей, милосердной, должна рассказать я за то, что меня она тоже спасла. Какой-то злодей перебил мои крылья стрелой, и я умирала на волнах зеленых. А милая дивчина эта меня изловила, кровь зашептала, целебных трав приложила, кормила, поила, за мною смотрела, пока не срослись мои крылья. За это раскрою ей тайну большую...

– Молчи! – зашумели, проснувшись, сердитые волны. – Молчи, не твое это дело! Не смеет никто знать о воле великого моря, не смеет никто противиться грозному!

Набросились волны на камни, сердито урчат между ними. Испуганно свинка и рыбка нырнули на дно, а птица в небо взлетела.

Но поздно проснулись волны: услышала дивчина тайну, на ноги быстро вскочила и громко позвала:

– Вернись, птица бабич, вернись! Расскажи мне о тайне подробней! Не нужно ни жемчуга мне, ни кораллов, ни танцев веселых, ни сказок чудесных. А лучше скажи мне, откуда высматривать хлопцев чубатых, как от беды бесталанных спасти?

А волны бушуют, а волны ревут:

– Молчи! Не расспрашивай, глупый ребенок. Смирись! Не перечь лучше морю: море ведь тяжко карает!

А дивчина думает: «Ладно, бушуйте, зеленые волны, чернейте от злости, беситесь. Я вам не отдам на съедение людей тех отважных. Я вырву из горла у хищного моря братьев моих бесталанных! Отцу не скажу я ни слова. Ведь старенький он, и бороться ему не под силу, а будет большое ненастье, я вижу».

И день догорел. И солнце в море спустилось. И тишина наступила. Лишь слышно во тьме, как бормочет старик, на пост свой ночной собираясь.

Дочь попрощалась с отцом, в пещере легла. А только отец стал костер разжигать, она поднялась, прыгнула в челн, приготовила все – ждет бури!

Море спокойно пока. Но вдаль слышен гул: то туча, союзницу моря, идет, глазами сверкает, крыльями черными машет на яркие звезды. И гаснут звезды со страха. Вот ветер, посланец ее, налетел, засвистел, стараясь костер потушить. Но дед догадался, подбросил смолы, и костер запылал сильнее. И ветер отпрянул назад, застеснявшись, и вновь тишина наступила...

И снова, но ближе загрохотала грозная туча. И целая стая хищных ветров закружилась, завывала, толкая в бока сонные волны. Волны гурьбою метнулись к скалам. А скалы швырнули в них галькой. Алчно они проглотили гостинцы и бросились снова на скалы.

А туча находит, а гром громыкает, и молнии хищно сверкают. А буря галеры несчастные гонит, мачты ломает, рвет паруса, в волнах соленых купает.

Но борются с морем отважно гребцы, не поддаются чубатые! Вот подогнало их к берегу море, вот раскачало и бросило прямо на скалы. И скалы завывали, как звери, увидев такую добычу. Глазом моргнуть казаки не успели – вдребезги разбило галеры.

Дивчина, страха не зная, в море свой челн направляет, утопающих хватает, быстро на берег выносит. Уж здесь собралось их немало, но больше еще погибает. А дивчина, знай, спасает, а дивчина слышать не хочет, что море ей грозно рокочет:

– Эй, отступись, не тягайся со мною! Добыча моя, не отдам по-пустому! Эй, отступись, неразумная! Страшная доля тебя покарает. Эй, отступись-ка!

Но тщетно! Дивчина слушать не хочет. Поднялись страшные волны, утлый челнок подхватили, как скорлупу, бросили с гневом на скалы – разбились.

Дивчина плачет: плачет она не от боли, плачет она не со страху – она из-за челна рыдает. Жалко ей стало, что нечем спасать несчастных.

«Нет, попытаюсь еще раз!» Мигом одежду с себя сорвала и бросилась в бурное море. Не смилостивилось море: алчно ее поглотило.

Но смилостивилась доля: дивчина не погибла. Серую чайкой она вспорхнула и полетела над морем, горько рыдая...

А старик и не знал, что дочь совершила. Да те казаки, которых спасла она, все рассказали. Старик как стоял у костра, так и бросился с горя в огонь...

Погибли и дочь, и старик.

Но нет, не погибли! Каждую ночь огонек на утесе мерцает, а над утесом серые чайки летают, плачут-кричат, лишь только услышат хищную бурю: оповещают они моряков, да нам повествуют о древней легенде, о славной дивчине-чайке.

(Л. Василевская)

Морское сердце

Однажды в море купались два брата. Вот старший, когда искупался, к берегу тихо поплыл, а младший – от берега дальше и дальше.

И полюбила морская волна отважного брата: взяла, обняла его крепко и тянет к себе на дно, в подводное царство морское.

Сопrotивляется хлопец, кричит, зовет на помощь брата родного. А старший боится плыть. Думает: «Там глубоко, еще утону вместе с ним!»

– Ой, братец, мой милый. Ой, братец любимый, спасай! – в последний раз вынырнул хлопец, слезы роняя.

– Пускай тебя Господь спасает, – трусливо промолвил старший, а сам не посмел и взглянуть, как брат утопает, и к берегу быстро гребет, на камень влезает.

Волна рассердилась и погналась за трусом, догнала, снесла его в море и потопила.

Меньшего брата морская царица на дне приютила. И слезы его превратились в сверкающий жемчуг, а кудри – в кораллы.

А старшего брата рыбы и раки дотла растащили. Лишь к сердцу никто не хотел прикоснуться: таким было мерзким это трусливое сердце.

С тех пор появилось в море то сердце. Робко, украдкой плавает, скользкое, хладное, жгучее, как крапива, вяло оно шевелится, подрагивает, и нет от него даже тени – прозрачное.

А море брезгует сердцем: на берег его бросает, и там оно гибнет бесследно...

(Л. Василевская)

Маруся Богуславка

На Черном море, на белом камне стояла каменная темница, и в той темнице сидели семьсот казаков, бедных невольников.

Тридцать лет сидят они в неволе, света божьего, солнца праведного не видят. И приходит к ним девушка-*бранка* (взятая в неволю), Маруся, поповна Богуславка, и говорит им: «Эй казаки, бедные невольники! Угадайте, какой теперь день на нашей земле христианской?»

Памятник Марусе Богуславке в г. Богуслав

Слышат это бедные невольники, узнают девушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку по голосу и говорят: «Эй, девушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка! Откуда нам знать, какой теперь день на нашей земле христианской? Мы тридцать лет сидим в неволе и божьего света, праведного солнца не видим. Не знаем мы, какой теперь день на нашей земле христианской».

Тогда девушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говорит казакам: «Ой, казаки, бедный невольники! Сегодня на нашей земле христианской Страстная суббота, а завтра – святой праздник *Великдень*».

Услышав это, казаки пали белым лицом на землю и прокляли девушку-бранку, поповну Богуславку: «О, чтоб ты, девушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, не имела ни счастья, ни доли! Зачем ты нам объявила, что завтра святой праздник Великдень!»

Тогда девушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говорит им: «Ой, казаки, бедные невольники! Не браните меня, не проклиняйте! Как будет ехать наш турок-господин в мечеть, то отдаст мне на руки ключи; тогда я приду в темницу, отопру темницу и выпущу всех вас, бедных невольников, на волю».

И вот в святой праздник, в Великдень, выезжает турок-господин в мечеть и отдает ключи на руки девушке-бранке, Марусе, поповне Богуславке. Тогда она приходит к темнице, отпирает темницу, выпускает всех казаков, бедных невольников, на волю и говорит: «Казаки, бедные невольники! Уходите вы в христианские города; но прошу вас, не минуйте города Богуслава и дайте знать моему отцу и матери: пускай мой отец не продает земель и имущества, пускай не собирает великих сокровищ и не выкупает из неволи меня, девушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку. Я уж отуречилась, обусурманилась, ради роскоши турецкой, ради несчастного лакомства!»

(*П. Кулиш*)

Самойло Кошка

Ой, из города из Трапезонта выступала галера в три цвета расцветена-размалевана. Ой, первым цветом расцветена – золото-синими флагами увешана; а вторым цветом расцветена – пушками опоясана; третьим цветом расцветена – турецким белым сукном покрыта.

В той галере Алкан-паша, трапезонтское княжа, гуляет, с собой отборных людей имеет: турок-янычар семьсот да четыреста и бедных невольников триста пятьдесят, кроме старшины войсковой.

Первый старший – Кошка Самойло, гетьман запорожский; второй – Марко Рудой, судья войсковой; третий – Мусий Грач, войсковой трубач; четвертый – Лях Бутурлак, ключник галерный, сотник переяславский, отступник христианский, который тридцать лет был в неволе, а двадцать четыре как стал на воле, отуречился, обусурманился ради панства великого, ради лакомства несчастного!..

В той галере далеко от пристани отплывали, по морю Черному долго плыли-гуляли, возле Кафы-города пристали, здесь на отдых стали.

И приснился Алкан-пашате, трапезонтскому княжате, молодому паньчу, сон дивный-предивный...

Тогда Алкан-паша, трапезонтское княжа, турок-янычар да бедных невольников вопрошает:

– Турки, – молвит, – турки-янычары, и вы, бедные невольники. Кто из турок-янычар сможет сон разгадать, тому три града турецких буду даровать. А кто из бедных невольников сможет разгадать, тому вольную велю написать, на свободу велю отпустить.

Турки это услышали, – ничего не сказали. Бедные невольники хоть и разгадали, но промолчали. Только Лях Бутурлак, ключник галерный, отступник христианский, отозвался:

– Как же, – молвит, – Алкан-паша, твой сон разгадать, если ты не хочешь его рассказать?

– А такой мне, горемыке, сон приснился, чтоб он никогда не сбылся! Снилось мне: моя галера, расцветена-размалевана, стала вся ободранной, обгорелой; снилось: мои бедные невольники, что были в неволе, стали вольными; снилось: гетьман Кошка Самойло меня на три части разрубил, в море Черное выбросил.

Как только Лях Бутурлак это услышал, такие слова сказал:

– Алкан-паша, трапезонтское княжа, молодой паньч! Сон этот не будет тревожить тебя, вели только мне получше за невольниками надзирать, в ряд их сажать, по две, по три пары старых и новых кандалов ковать, на руки-ноги надевать, красной таволги по два прутья брать, по шеям стегать, кровь христианскую наземь проливать!

Как только турки это услышали, от пристани галеру далеко отпускали и бедных невольников к веслам приковали, на глубокую морскую воду выплывали. Как только это услышали, от пристани галеру далеко отпускали, в город Козлов к девке Санджаковой на гулянье поспешали.

Вот к городу Козлову прибывали. Девка Санджакова навстречу выходила, Алкан-пашу в город со всем войском заводила. Алкан-пашу за белу руку брала, за столы белые сажала, дорогими напитками угощала. А войско на базаре сажала.

Но Алкан-паша дорогих напитков не пьет, на галеру двух турок подслушивать шлет, чтобы не мог Лях Бутурлак Кошку Самойла расковать и рядом с собою сажать!

Вскоре те два турка на галеру прибывали...

А Самойло Кошка, гетьман запорожский, молвит:

– Эх, Лях Бутурлак, брат наш старый. Когда-то и ты был в неволе, как мы теперь. Добро учини: хоть нас, старшину, отомкни пусть, и мы в городе побываем, свадьбу панскую повидаем.

– Эх, Кошка Самойло, гетьман запорожский, батька казацкий! Ты добро учини: веру христианскую ногами потопчи, крест на себе поломай! Будешь веру христианскую ногами топтать, будешь у нашего пана молодого за брата родного.

Как только Кошка Самойло это услышал, такие слова сказал:

– Эх, Лях Бутурлак, сотник переяславский, отступник христианский! А чтоб тебе не дожидаться, как я веру христианскую буду ногами топтать! Пусть я до смерти в беде да в неволе буду жить, но хочу в земле казацкой голову христианскую сложить. Ваша вера поганая, земля проклятая!

Как только Лях Бутурлак это услышал, Кошку Самойла бить по лицу стал.

– Ой, – молвит, – Кошка Самойло, гетьман запорожский! Будешь ты меня верой христианской допекать, буду тебя пуще всех невольников стеречь. Велю в старые да новые кандалы заковать, велю тебя цепями трижды опоясать!

А те два турка это услышали, к Алкан-паше приходили, такие слова говорили:

– Алкан-паша, трапезонтское княжа, спокойно гуляй! Хорошего ключника имеешь. Он Самойла Кошку по лицу бьет, в турецкую веру обращает.

Тогда Алкан-паша, трапезонтское княжа, большую радость имел, пополам дорогие напитки разделял: половину на галеру отсылал, половину с девкой Санджаковой распивал.

Стал Лях Бутурлак дорогие напитки пить-попивать, стали его голову казацкую думы одолевать: «Боже, есть у меня что пить, в чем ходить, только не с кем мне о вере христианской поговорить».

И к Самойле Кошке он приходит, рядом с собой сажает, дорогой напиток по два, по три кубка наливает. А Самойло Кошка по два, по три кубка в руки брал, то в рукав, то за пазуху, то на пол выливал. А Лях Бутурлак по одному выпивал и так напился, что с ног свалился.

Тогда Кошка Самойло смекнул: Ляха Бутурлака, как дитя, в постель уложил, а сам восемьдесят четыре ключа из-под подушки вынимал, на пять невольников один ключ давал и тихо говорил:

– Казаки-братья, хорошо старайтесь, друг друга отмыкайте, но кандалы с рук и ног не снимайте, полуночи дожидайтесь!

Тогда казаки друг друга отмыкали, кандалы с рук и ног не снимали, полуночи дожидались. А Кошка Самойло недолго думал-гадал, себя, как бедного невольника, цепями трижды обмотал, полуночи дожидаться стал.

Стал полуночный час наступать, стал Алкан-паша с войском на галеру прибывать. Как только на галеру прибыл, такие слова молвил:

– Вы, турки-янычары, не очень шумите, моего верного ключника не разбудите. Сами же меж рядами идите, каждого невольника осмотрите, ибо ключник нынче подгулял, как бы кому поблажки не дал.

Тогда турки-янычары свечи в руки брали, по рядам ходили, каждого невольника проверяли. Бог помог: за замки руками не брались!

– Алкан-паша, спокойно почивай, хорошего и верного ключника имеешь. Он бедных невольников в ряд сажал, по три, по две пары старых и новых кандалов надевал, а Кошку Самойла цепями трижды опоясал.

Тогда турки-янычары в галеру заходили, спокойно спать ложились. А кто пьян был, кого сон сморил, те у пристани козловской спать легли.

Тогда Кошка Самойло полуночи дождался, кандалы с рук и с ног поснимал, в море Черное побросал, в галеру заходил, казаков разбудил. Сабли булатные на выбор выбирает, к казакам слово обращает:

– Вы, панове-молодцы, кандалами не стучите, шума не поднимайте, никого из турок в галере не разбудите.

Это казаки и сами хорошо понимали, кандалы с себя снимали, в море Черное бросали, ни одного турка не разбудили.

Тогда Кошка Самойло казакам слово молвил:

– Вы, панове-молодцы, постарайтесь, со стороны города Козлова нападайте, турок-янычар в пух и прах рубите, а которых и живьем в море бросайте!

Тогда казаки со стороны города Козлова нападали, турок-янычар и пух и прах рубили, а которых и живьем в Черное море бросали. А Кошка Самойло Алкан-пашу взял, на три части порубил, в море Черное побросал, казакам сказал:

– Казаки-молодцы! Хорошо старайтесь, всех в Черное море бросайте, только Ляха Бутурлака не рубите, в войске как ярыгу войскового оставляйте.

Тогда казаки постарались, всех турок в Черное море побросали, только Ляха Бутурлака не зарубили, в войске как ярыгу войскового оставили.

Тогда галеру от пристани отпускали, Черным морем далеко плыли-гуляли.

В воскресенье утром рано то не сизая кукушка куковала, то девка Санджакова возле пристани ходила, белые руки ломала, горько причитала:

– Алкан-паша, трапезонтское княжа! За что же ты на меня великий гнев имеешь, почему сегодня от меня так рано уезжаешь? Пусть бы я от отца-матери позор приняла, но с тобою хоть одну ночь переночевала!

А еще в воскресенье в полдень Лях Бутурлак пробуждается, по сторонам смотрит, удивляется, что ни одного турка на галере не видно. Тогда Лях Бутурлак с постели подымается, к Кошке Самойле приходит, в ноги кланяется, слово молвит:

– Ой, Кошка Самойло, гетьман запорожский, батько казацкий! Не будь же ты таким ко мне, каким я был в конце жизни своей к тебе. Бог да помог тебе неприятеля победить, но не сумеешь ты в земли родные доплыть. Мудро учини: половину казаков в кандалах к веслам посади, половину в дорогие турецкие одежды наряди. Как будем от города Козлова к Царьграду подплывать, будут из города Царьграда двенадцать галер выбегать, будут Алкан-пашу с девкой Санджаковой поздравлять, то как ты будешь перед ними ответ держать?

Как Лях Бутурлак научил, так Кошка Самойло, гетьман запорожский, и учинил: половину казаков в кандалах к веслам посадил, а половину в турецкие дорогие одежды нарядил.

Стали от Козлова к Царьграду подплывать, стали из Царьграда двенадцать галер выбегать, стали из пушек палить, Алкан-пашу с девкой Санджаковой поздравлять. Тогда Лях Бутурлак недолго думал-гадал, на нос галеры выходил, турецкой белой чалмою махал. Один раз молвит по-гречески, другой по-турецки:

– Вы, турки-янычары, не шумите, потихоньку от галеры отплывите, потому что он подгулял, теперь почивает, с похмелья страдает. К вам не выйдет, головы не подымет. Говорил: «Как обратно плыть буду, вашей милости вовек не забуду».

Тогда турки-янычары от галеры отплывали, к городу Царьграду направлялись, из двенадцати пушек салютовали. Тогда казаки хорошо постарались и себе семь пушек заряжали – салютовали.

Когда в Лиман-реку входили, Днепру-Славути низко поклонились:

– Хвалим тя, господи, и благодарим! Были пятьдесят четыре года в неволе, а теперь не даст ли нам Бог хоть бы час побыть на воле!

А на острове Тендрове Семен Скалозуб с войском на заставе стоял да на ту галеру глядел, казакам своим говорил:

– Казаки, панове-молодцы! Что сия галера бродит? Или войска царского много возит, или за большой добычей шныряет? Так вы постарайтесь, по две, по три пушки заряжайте, да эту галеру грозными пушками привечайте, гостинца ей дайте! Если турки-янычары – в пух и прах рубите! Если бедные невольники – помощь окажите!

Тогда казаки сказали:

– Семен Скалозуб, гетьман запорожский, батько казацкий! Ты, наверное, сам боишься и нас, казаков, пугаешь. Сия галера не бродит, и войска царского не возит, и за добычею не шныряет. Это, может, давний бедный невольник из неволи убегает.

– А вы не доверяйте, хоть две пушки заряжайте, ту галеру грозными пушками привечайте, гостинца ей дайте. Если турки-янычары – в пух и прах рубите, если бедные невольники, помощь окажите!

Тогда казаки, как дети, неладное затевали: по две пушки заряжали, ту галеру грозными пушками привечали, три доски в судне пробивали, воды днепровской напускали...

Тогда Кошка Самойло, гетьман запорожский, недолго думал-гадал, на нос галеры выступал, красные хоругви старые с крестами из кармана вынимал, те хоругви распускал, сам низко голову склонил:

– Казаки-панове, молодцы! Эта галера не бродит, войска царского не возит, за добычей не шныряет. Это давний бедный невольник Кошка Самойло из неволи убегает. Были пятьдесят четыре года в неволе, теперь не даст ли нам Бог хоть бы час поныть на воле...

Тогда казаки в каюки скакали, ту галеру за малеванные борта цепляли, к пристани подтянули.

Тогда: злато-синие флаги – казакам, парчовую одежду – атаманам, турецкое бело сукно – казакам-белякам на кафтаны, а галеру поджигали.

А серебро-злато на три части делили: первую часть брали – церкви отдавали, святому межигорскому Спасу, трехмировскому монастырю, святой сечевой покрове давали, которые давно еще на казацкие деньги воздвигали, чтоб за них с утра до вечера милосердного Бога молили; а другую часть меж собой делили; а третью часть брали, в круг садились, пили да гуляли, из семипядных пищалей палили, Кошку Самойла с волей поздравляли.

– Здорово, – молвят, – Кошка Самойло, гетьман запорожский. Не погиб ты в неволе, не погибнешь с нами, казаками, и на воле!

Правда, панове, сложил голову Кошка Самойло в Киеве – в Каневе монастыре!

Слава не умрет, не поляжет!! Будет слава славная промеж казаками, промеж друзьями, промеж добрыми молодцами!!!

(П. Лукашевич)

Медведь-гора

Когда-то давным-давно, в стародавние времена, по всему крымскому побережью жили трудолюбивые люди. Тяжела и сурова была их жизнь, тяжел и мучителен был их непосильный труд. А ко всему этому над несчастными властвовал Аллах, злой-презлой, жестокий-прежестокый. Он только то и делал, что сидел на небе да надсматривал, чтобы люди молились ему, чтобы покорными были и не вольнодумствовали да чтобы исправно в жертву ему приносили быков, овец и всякую живность.

Тяжело было жить, нелегко было трудиться, а жили и трудились. Упорно расчищали люди дремучие леса, освобождали от камней горные склоны, открывали источники, разводили сады, виноградники. Отступили перед человеком лесные дебри, покорились горы. Все лучше, легче и богаче становилась жизнь. Люди поверили в себя, в свои силы и перестали покоряться своему божеству.

Узнал Аллах о том, что жители побережья больше не признают его, и страшно разгневался. Три дня и три ночи над побережьем клубились черные тучи, гремел гром, бушевало море. Но не испугались люди. Чего им бояться, когда они на своем веку и не такое видели. Разве рыбака не заставляла буря в открытом море? Разве пастуху не приходилось в непогоду бывать в горах? Разве бурные дождевые потоки не смывали поле пахаря? Но человек всегда побеждал. Рыбак на своей утлой лодчонке достигал берега, пастух спасал стадо и себя, а пахарь снова наносил землю на свое поле.

Человек победил и на этот раз. Миновала гроза, выглянуло солнце, успокоилось море. Жизнь пошла своим чередом.

Еще пуще разгневался Аллах. Знал он, видать, что власть из его рук уходит.

– Меня не станет – и жизни на этой земле не будет, – гремел он. – Сотру все в порошок!

Полетел он немедля на север, где лежал Великий медведь, огромными льдами и крепкими цепями скованный. Раздвинул Аллах огромные льды, снял с него крепкие цепи и велел плыть в южную страну, чтобы наказать непокорных.

Обрадовался медведь свободе и поплыл по морям и океанам. В том месте, где лежала деревня Форос, приблизился он к крымскому берегу, вышел из глубоких вод и поднялся на сушу. И был он так громаден, тяжел и страшен, будто необъятная грозная гора, а густая шерсть на нем была как дремучий лес, ребра вздымались, как утесы, морская вода сбегала по телу, как горные ручьи и водопады в лесу.

Могучие тяжелые лапы медведя ступили грузно на крымскую землю, и мощная спина его достигла облаков. И поднялись от выхода медведя из воды такие великие волны, что несколько деревень было начисто смыто.

Вышел из воды Великий медведь и двинулся вдоль берега. Своей грузной тяжестью он все разрушал на своем пути. Страшные лапы его раздавливали все, что под них попадало. Острые могучие когти взрывали землю огромными бороздами, оставляя после себя ряды глубоких оврагов и ущелий. Под тяжестью медвежьего тела поползла земля со склонов Крымских гор, обнажились, как кости из-под мяса, твердые каменные недра. Но и камень не устоял перед небывалым грузом, и рушились с грохотом скалы и целые горы, рассыпая далеко вокруг себя груды осколков.

На том месте, где ныне простирается город Ялта, Великий медведь пустил в ход всю свою силу. Он нажимал могучими боками, ударял и напирал тяжелыми лапами, разъяренно рыл и ломал неумолимыми когтями. И отодвинулись высокие горы дальше от берега, образовались глубокие долины и широкие котловины там, где прежде стояли высокие холмы и пологие скаты.

Так добрался Великий медведь до того места, где глазам его открылась цветущая и приветливая Партенитская долина, ласкающая взор милovidными холмами, роскошными садами, сочной зеленью лугов, тяжелыми гроздьями виноградников.

Поглядел медведь на красивую долину и увидел, что нет лучшего места в Крыму, а может быть, и на всей земле.

И дрогнуло свирепое сердце медведя. Нет, не станет он больше разрушать тот чудесный край. Он сам останется здесь жить, чтобы вечно любоваться прекрасной природой, дышать горным воздухом, купаться в теплых водах Черного моря. Он не желает больше возвращаться на север, где его ждет неволя в ледовом логове.

Вид на Аю-Даг в Крыму со стороны моря. Художник Н. Г. Чернецов

Зевнул медведь пересохшей пастью так, что горы задрожали, и сполз к морю воды напиться. Опустился он на колени, погрузил в голубую влагу свою страшную пасть и стал долго жадно пить. Грозно бурлило море у жаждущей пасти, высокие волны ходили по всему побережью от тяжкого дыхания зверя.

Увидел Аллах, что не слушает его больше медведь, и понял, что пришел ему конец, что человек победил.

– Оставайся же навеки на этом месте! – произнес он свое последнее заклинание.

И стало каменеть огромное тело медведя. Могучие бока превратились в страшные отвесные пропасти, высокая спина стала округлой вершиной горы, медвежья его голова над морской пучиной сделалась острой скалой, густая шерсть обратилась в непроходимую дубовую чащу.

Великий медведь стал Медведь-горой. Только Черное море продолжало бурлить *около* пасти медведя, как будто он все еще продолжал пить воду.

(«Сказки и легенды Крыма»)

Гурзуфские скалы-близнецы

В тех местах, где ныне Гурзуф, в давние времена все было покрыто дремучими лесами. Много зверей водилось в тех лесах: и медведи, и олени, и барсы. Люди жили только на вершине Медведь-горы. Там стоял величественный замок. Далеко видны были его высокие башни, еще дальше разносилась слава о его владельцах – князьях Петре и Георгии. Они были близнецы. Их мать княгиня Елена, умирая, завещала им жить в мире и с честью носить отцовские доспехи. Вечно были братья в походах, на охоте. Мало жили в замке они, а когда бывали там – от подножия и до вершины звенела гора музыкой. Моряки, которым случалось в те ночи плыть мимо Медведь-горы, пугались зарева на небе от огней костров и смоляных бочек...

Жили братья дружно, в бою рядом сражались, защищая один другого. Где меч одного промахнется, там меч другого попадет в цель.

Много верных слуг было у молодых князей, но вернее всех служил им старый Нимфолис. Страшный вид имел он: борода зеленая, руки длинные, до колен; глаза суровые, исподлобья глядят. А ударит он палицей – сотни врагов валятся. Свистнет старый – трава к земле пригибается, море рябью подергивается. Любили князья Нимфолиса. Во всем слушались его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.